

ЛЮДМИЛА МЕЛЬНИКОВА

За любовь

К РУССКОМУ
ЗОЛОТУ

Золото, любовь и
тайные сделки
в России 1990-х

18+

Людмила Мельникова

За Любовь к Русскому Золоту

«Автор»

2026

Мельникова Л. О.

За Любовь к Русскому Золоту / Л. О. Мельникова — «Автор»,
2026

«Во имя русского золота» — основанная на реальных событиях история, где запретная любовь сталкивается с золотом, властью и предательством. Но любовь оказывается сильнее золота. После распада СССР австралийка Людмила Мельникова приезжает в Россию, чтобы участвовать в разработке секретного месторождения Сухой Лог стоимостью 30 миллиардов долларов. Ей помогают будущий премьер-министр Австралии Малколм Тернбулл, харизматичный магнат Иэн Макни и Борис Ельцин. Но один из них скрывает страшную правду. КГБ, русская мафия, международный шпионаж, коррупция, миллиардные сделки и борьба за крупнейшее золото России переплетаются с историей любви, обмана и выживания. Основано на дневниках и документах автора. Что, если крупнейшее месторождение золота стало приманкой для одного из величайших обманов в истории? До сих пор никто не знает всей правды. Решайте сами.

© Мельникова Л. О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Людмила Мельникова

За Любовь к Русскому Золоту

Глава

*Золото, любовь и
тайные сделки в России 1990-х*

Посвящается моему сыну Локи —

кто дал мне силы пережить всё.

Оборот Титульной Страницы

За любовь к русскому золоту.

— Москва, 2026.

Мемуары Людмилы Мельниковой о золотой лихорадке в России 1990-х годов, международных инвестициях, политических интригах и личной драме, разворачивающейся на фоне борьбы за крупнейшее месторождение золота в мире — Сухой Лог.

Все права защищены.

Нисакая часть данной книги не может быть воспроизведена в любой форме без письменного разрешения автора.

© Людмила Мельникова, 2026

Предупреждение автора

События, описанные в данной книге, основаны на личных воспоминаниях автора, документах и материалах, доступных на момент написания. Некоторые диалоги и сцены восстановлены по памяти автора.

Мнения и оценки, выраженные в книге, отражают личную точку зрения автора и не претендуют на исчерпывающую или окончательную интерпретацию описываемых событий.

В книге упоминаются реальные исторические лица и организации. Описание их действий приводится исключительно в контексте событий, свидетелем или участником которых был автор.

За любовь к русскому золоту

Золото, любовь и тайные сделки в России 1990-х

Людмила Мельникова

От автора

Эта книга — моя личная история о времени, когда Россия переживала один из самых бурных и драматических периодов своей современной истории.

В начале 1990-х годов, после распада Советского Союза, страна стремительно менялась. Огромные природные богатства, десятилетиями скрытые за завесой секретности, внезапно

стали объектом борьбы между государством, новыми российскими бизнесменами и иностранными инвесторами. В этот период я оказалась вовлечена в один из самых амбициозных и противоречивых проектов того времени — попытку разработки крупнейшего золотого месторождения России, Сухого Лога.

Моя жизнь неожиданно переплелась с российской политикой, международным бизнесом и людьми, которые стояли у истоков новой эпохи. На страницах этой книги появляются реальные исторические фигуры — политики, банкиры, предприниматели и государственные чиновники. Многие события происходили за закрытыми дверями и долгое время оставались неизвестными широкой публике.

Эта книга основана на моих личных воспоминаниях, документах, переписке и событиях, свидетелем которых я была сама. Я постаралась максимально точно передать атмосферу того времени — времени огромных возможностей, больших денег, политических интриг и человеческих драм.

Но это не только история о золоте и власти. Это также история о доверии и предательстве, о надеждах и разочарованиях, о том, как легко человек может оказаться втянутым в мир, где правила меняются быстрее, чем можно их понять.

Спустя годы я решила рассказать эту историю такой, какой она была на самом деле.

Людмила Мельникова

Аннотация

Это захватывающие мемуары о бурных и опасных 1990-х годах, когда Россия переживала распад Советского Союза, приватизацию гигантских природных ресурсов и борьбу за власть между политиками, олигархами и иностранными инвесторами.

Людмила Мельникова — австралийская предпринимательница русского происхождения — оказывается в самом центре международной борьбы за одно из крупнейших месторождений золота в мире: Сухой Лог в Сибири. Вместе с партнёрами, включая будущего премьер-министра Австралии и международного горнодобывающего магната с тёмными секретами, она пытается реализовать грандиозный проект по разработке этого месторождения, сталкиваясь с российской политикой, коррупцией, спецслужбами и криминальными структурами.

На страницах книги появляются реальные исторические фигуры — Борис Ельцин, Владимир Путин, Владимир Жириновский, а также представители российской и западной бизнес-элиты. За кулисами громких сделок разворачиваются интриги, тайные переговоры, огромные взятки и борьба за контроль над богатствами России.

Но это не только история о золоте и власти. Это также личная история любви, предательства и выживания в мире, где деньги и власть часто стоят дороже человеческих судеб.

«За любовь к русскому золоту» — это откровенный рассказ очевидца о событиях, которые изменили судьбу России и мировой золотой индустрии.

Предисловие

Бизнес в России, стране дыма и зеркал, ведётся за рюмками коньяка и водки. Миллионы долларов, собранные инвестиционными банкирами в Лондоне, Нью-Йорке и Австралии, начинают поступать в Сибирь, и весь горнодобывающий мир внимательно следит за происходящим. Ставки невероятно высоки — и игра за золото начинается.

Жёсткая линия коммунистов и ФСБ, преемница КГБ (советской службы государственной безопасности, существовавшей с 1954 по 1991 год), никогда не примут планы Ельцина установить контроль над российским золотом. Они используют любую фигуру на этой шахматной доске, чтобы не допустить шах и мат.

Когда же дым окончательно рассеется, останется только один вопрос:

Сколько золота на самом деле скрыто в Сухом Логе?

И имела ли компания Star хоть малейший шанс начать его разработку —

или всё это было одной из самых дерзких афер в истории современной России?

Основные российские действующие лица в Москве

Алексей — информатор КГБ, работавший консультантом компании Star, а позднее секретарём совета директоров совместного акционерного общества «Лензолото».

Азарова — юрист юридического управления президента, подчинявшаяся Руслану Орехову, первому заместителю руководителя юридического управления президента Бориса Ельцина.

Михаил Барсуков — глава ФСБ (главной службы безопасности России, созданной в 1995 году) при Ельцине с июля 1995 года до своего увольнения во время выборов в июне 1996 года, которое должно было повысить шансы Ельцина на победу. Барсуков назначил своего близкого соратника Александра Коржакова начальником службы безопасности Ельцина, и вместе они пытались склонить президента к более авторитарному стилю правления, одновременно блокируя дальнейшие шаги к свободной рыночной экономике, из-за чего пользовались непопулярностью среди российского населения. Они также пытались разоблачить коррупционный скандал вокруг президентской избирательной кампании Ельцина, известный как «дело Хехо».

Борис Березовский — олигарх и личный советник Ельцина.

Бычков — глава Комдрагмета (Комитета по драгоценным металлам) с 1991 по 1996 год. Был уволен Ельциным за предполагаемые связи с теневой сделкой, в результате которой через компанию Golden ADA в Сан-Франциско было выведено 88 миллионов долларов США в необработанных драгоценных камнях. Комдрагмет отправлял алмазы в эту компанию для огранки, однако Россия не получила обратно ни камней, ни денег.

Борисов — чиновник департамента внешнеэкономических связей администрации Ельцина.

Виктор Черномырдин — премьер-министр России с декабря 1992 года по март 1998 года. Скончался в ноябре 2010 года после продолжительной болезни.

Анатолий Чубайс — председатель Государственного комитета по управлению государственным имуществом (ГКИ), фактически руководитель программы приватизации, начиная с ноября 1991 года и один из архитекторов российской приватизации. С июня 1992 года — заместитель председателя правительства по экономической и финансовой политике, а с ноября 1994 года — первый заместитель председателя правительства. В январе 1996 года ушёл в отставку, чтобы возглавить предвыборную кампанию Ельцина. В июле 1996 года был назначен Ельциным руководителем администрации президента.

Чугаевский — один из первых успешных российских предпринимателей.

Егор Гайдар — выдающийся российский экономист, занимавший пост заместителя председателя правительства по финансам с ноября 1991 года по март 1992 года, когда Ельцин назначил его первым заместителем председателя правительства. Исполнял обязанности премьер-министра России с июня по декабрь 1992 года, однако парламент (состоявший из Съезда народных депутатов и Верховного Совета) отказался утвердить его на этом посту. Гайдар вернулся в правительство в сентябре 1993 года в должности первого заместителя председателя правительства и ушёл в отставку в январе 1994 года. Он неожиданно скончался в 2009 году в возрасте пятидесяти трёх лет от кардиогенного отёка лёгких (сердечной недостаточности).

Григорьев — глава Золотого комитета Российской Федерации.

Руслан Хасбулатов — председатель Верховного Совета с июля 1991 года по октябрь 1993 года. Сначала был близким союзником Ельцина, но к 1993 году стал вторым по влиянию человеком в России и заклятым противником президента. Во время конституционного кризиса 1993 года попытался свергнуть Ельцина. Кризис завершился вооружённым штурмом Белого дома (здания российского парламента) по приказу Ельцина и роспуском парламента. Впоследствии Хасбулатов был заключён в тюрьму по обвинению в государственной измене.

Куранов — советник министра атомной энергии и директор АО «Лензолото».

Лебедев — ведущий российский учёный-ядерщик в Министерстве атомной энергии.

Виктор Михайлов — создатель ядерного оружия и «ядерный царь» России, курировавший тридцать ядерных реакторов. Был министром атомной энергии с марта 1992 года по март 1998 года, когда был внезапно уволен Ельциным накануне переговоров о продаже Соединённым Штатам российского урана на сумму 13 миллиардов долларов. Американский посредник в этой сделке был личным другом Михайлова.

Мостовой — первый заместитель председателя ГКИ с 1992 по 1997 год; председатель АО «Лензолото» до 1996 года.

Головнин — первый помощник Гайдара.

Михаил Полторанин — министр информации и массовых коммуникаций и близкий друг Ельцина.

Владимир Путин — президент России после Ельцина.

Александр Руцкой — вице-президент России с 1991 по 1993 год. Во время конституционного кризиса 1993 года российский парламент провозгласил его исполняющим обязанности президента в противовес Ельцину, однако Ельцин распустил парламент и заключил Руцкого в тюрьму по обвинению в государственной измене.

Рудаков — председатель Главзолота (органа, отвечавшего за добычу золота в Советском Союзе), генерал КГБ и яростный противник компании Star.

Екатерина («Катя») Шевелёва — опытная журналистка, поэтесса, переводчица президента, подруга детства Юрия Андропова (грозного главы КГБ и впоследствии руководителя Советского Союза), а также политический советник компании Star.

Александр Шохин — заместитель председателя правительства по внешнеэкономическим связям в мае 1992 года, а затем заместитель председателя правительства по экономике с марта 1994 года.

Владимир — главный экономист Главзолота, позднее работавший агентом компании Star.

Вайнберг — председатель Банка развития и реконструкции России; член консультативного совета Ельцина; позднее председатель банка Vam Credit Bank в Сибири. В августе 1994 года был ненадолго заключён под стражу за дачу взятки таможенному чиновнику в виде золотой цепочки стоимостью 500 долларов США.

Борис Яцкевич — первый заместитель руководителя (фактически глава) Геолкома — Федерального комитета по геологии — с конца 1991 года. В 1996 году сменил Мостового на посту председателя «Лензолото». Позднее стал первым заместителем министра вновь созданного Министерства природных ресурсов, а в августе 1999 года был назначен Ельциным министром природных ресурсов. В июне 2001 года, вскоре после того как Путин стал президентом России, был уволен за коррупцию.

Борис Ельцин — первый президент Российской Федерации, занимавший этот пост с 1991 по 1999 год. Скончался в апреле 2007 года от остановки сердца после ранее перенесённой операции по четырёхкратному шунтированию. У него остались жена Наи́на и дочери Татьяна и Елена.

В Сибири

Авлов — генеральный директор «Лензолото».

Юрий Ножиков — губернатор Иркутской области.

Вареников — директор артелей «Лензолото», а затем президент вновь созданной Сибирской ассоциации артелей.

Яковенко — первый заместитель губернатора Иркутской области и директор АО «Лензолото».

Основные австралийские действующие лица

Брайан Крозер — австралийский винодел, владелец компании Petaluma Wines и, вместе с Иэном, совладелец винодельни Argyle Winery в штате Орегон.

Роб Хэмпшир — известный австралийский психиатр.

Джон Хелмер — австралийский журналист, работавший в Москве и выступивший в 1995 году в программе австралийского телевидения *60 Minutes* под псевдонимом «Сократ»; предполагалось, что он был двойным агентом России и США.

Пол Китинг — премьер-министр Австралии с 1991 по 1996 год.

Ангус Макни — сын Иэна и Бобби, второй жены Иэна.

Крис Макни — директор Star Technology; директор Star Mining; директор АО «Лензолото»; сын Иэна и Джен, первой жены Иэна.

Иэн Макни — основатель и директор компании Star Technology; директор Star Mining NL; директор АО «Лензолото».

Людмила Мельникова — основатель и директор компании Star Technology и директор АО «Лензолото».

Грег Мур — основатель и директор компании Star Technology и муж Людмилы до 1992 года.

Билл О'Нил — финансовый советник Иэна Макни и директор компании Coherent Resources.

Джерард Сибер — торговый комиссар при посольстве Австралии в Москве.

Доктор Джон Томас — горный инженер компании Star.

Малколм Тёрнбулл — главный партнёр инвестиционного банка Turnbull & Partners; директор Star Technology (Британские Виргинские острова); директор Star Mining NL.

Тесс — личная помощница Иэна в США.

Доктор Брюс Вуд — главный геолог компании Star.

Корпоративные и государственные структуры

Артели — независимые подрядчики и старатели, добывающие россыпное золото (золото, извлекаемое из рек и ручьёв).

Central Mining NL — компания-оболочка, на 80 процентов принадлежавшая Иэну Макни и зарегистрированная на Австралийской фондовой бирже в январе 1986 года. Её директорами были Иэн Макни, Грэм Эллис (лучший друг Макни) и корпоративный советник KPMG Билл О'Нил. В 1993 году Central Mining приобрела весь выпущенный капитал компании Star Technology (Star) у её владельцев и сменила название на Star Mining NL. Билл немедленно ушёл из совета директоров, чтобы уступить место новому банкиру компании Star — Малколму Тёрнбуллу.

Crusader Investments Ltd. — компания Иэна Макни в Гонконге, зарегистрированная как публичная структура и являвшаяся ответвлением группы Lee Ming.

ГКИ — Государственный комитет по управлению государственным имуществом.

Главзолото — государственное ведомство СССР, контролировавшее добычу золота. В августе 1991 года Главзолото было упразднено и преобразовано в два ведомства: Комитет по геологии (Геолком) и Комитет по драгоценным металлам (Комдрагмет).

Ассоциация «Лензолото» — государственное золотодобывающее предприятие, существовавшее с 1890-х годов до 1991 года, когда оно было приватизировано и преобразовано в акционерное общество «Лензолото». Название происходит от реки Лены, центра россыпной добычи золота компании (слово «золото» означает gold). Ассоциация «Лензолото» находилась недалеко от города Бодайбо в Иркутской области, к северо-востоку от озера Байкал, и обладала правами на разработку крупнейшего в мире разведанного месторождения золота — Сухой Лог («Dry Gulch»).

АО «Лензолото» — акционерное общество, созданное в 1991 году. Согласно учредительному соглашению, акционерами были компания Star, ГКИ и работники «Лензолото». Компания владела правами на разработку 106 золотых месторождений, включая Сухой Лог.

Star Technology Ltd. (Star) — компания, созданная Иэном Макни в 1991 году на Британских Виргинских островах для ведения бизнеса в России. Crusader Investments Ltd. владела 80 процентами компании Star, а Грег Мур (муж Людмилы в то время) и Людмила владели по 10 процентов каждый.

ПРОЛОГ

В 1990-е годы в моей жизни доминировали трое влиятельных мужчин: президент России Борис Ельцин, будущий премьер-министр Австралии Малколм Тёрнбулл и загадочный австралийский мультимиллионер по имени Иэн Макни.

Нас всех объединял один интерес: российское золото. Можно сказать, что у Иэна и Малколма был интерес и ко мне. С Ельциным всё было исключительно по делу.

С Ельциным я познакомилась в декабре 1990 года, когда он был председателем Верховного Совета России. Двенадцать месяцев спустя над Кремлём был спущен коммунистический флаг, и Борис Ельцин стал первым президентом новой независимой России.

Из всех возможных причин познакомиться с будущим премьер-министром Австралии приманка Сухого Лога в далёкой сибирской тайге казалась бы наименее вероятной. В то время русские оценивали стоимость этого неразработанного золотого месторождения в 21 миллиард долларов США. Мы — Иэн Макни, Малколм и я — хотели получить лицензию на его разработку.

Я много работала, прокладывая нам путь, и имела личный опыт ведения бизнеса в России задолго до того, как мужчины присоединились к игре. Когда предшественник Ельцина, Горбачёв, открыл Россию Западу, такие капиталисты, как я, не могли попасть туда достаточно быстро. Горбачёв говорил о гласности, и западные люди верили каждому его слову. Старый Союз Советских Социалистических Республик (СССР) представлял собой огромную, неэффективную государственную машину, опутанную массами бюрократической волокиты. Эта машина была парализована банкротством и остановилась с тяжёлым скрежетом. В 1986 году Горбачёв пообещал свободную экономику, свободу слова и равенство для всех. И с этого всё и началось.

1990-е годы были бурными. Остальной мир с изумлением наблюдал, как бывший Советский Союз превращается в незаконную «демократию», движимую ненасытной жадой денег, где политики и мафия пожинали наибольшие плоды. Это было не место для слабых.

Когда я познакомилась с Малколмом, он был успешным инвестиционным банкиром, наделённым большим обаянием и вспыльчивым характером. Как банкир, он вполне естественно проявлял энтузиазм к проекту Сухого Лога. Но Малколм был ещё и романтиком. «Добывать золото в самой середине Сибири — чрезвычайно соблазнительно», — говорил он. В этом он не был исключением. Западные люди всегда романтизировали Сибирь и саму Россию. Как однажды знаменитым образом сказал Уинстон Черчилль: «Россия — это загадка, завернутая в тайну, внутри головоломки».

Среди русских Малколм становился очень «русским». Думаю, эта новая кожа его возбуждала. А я — молодая, предприимчивая, русскоязычная австралийская бизнес-леди с аристократическими русскими корнями — становилась частью этого возбуждения. Между нами возникла химия.

Впервые я поехала в Москву девятнадцатилетней студенткой университета по годовой стипендии, чтобы изучать русский язык в Московском университете. Я влюбилась, осталась нелегально и в результате оказалась в мрачной российской тюрьме. Десять лет спустя, в 1989 году, я вновь вернулась туда, очень нервничая, вместе с тогдашним мужем Грегом, чтобы изучить деловые возможности, возникшие при Горбачёве. Наш брак продлился недолго. Более того, мы были в свадебном путешествии, когда я поняла, что вышла замуж не за того человека.

Часть медового месяца мы провели в Москве, вернувшись в Сидней с тем, что считали отличным бизнес-предложением. Я наняла консультанта для поиска потенциального долевого инвестора. Кандидатом оказался Иэн Макни — австралиец, сделавший себя сам миллионер, заработавший состояние в горнодобывающем бизнесе. Он интересовался Россией, но не знал, с чего начать. Я говорила по-русски и через свою мать имела серьёзные связи в Москве. И, что самое главное, у меня было перспективное предложение.

В итоге мы отказались от первоначального проекта, поскольку на нём явно лежали отпечатки чеченской мафии. Однако всего через семь месяцев после знакомства с Иэном мы вдвоём вошли в кабинет Ельцина, и Борис сделал нам поразительное предложение. Он также недвусмысленно дал понять, что намерен контролировать всё золото России.

В то время наличие сильных политических связей в России было жизненно важным. Главная опасность заключалась в том, чтобы поставить не на ту сторону — это могло стоить жизни. С другой стороны, преимущество работы в крайне нестабильной политической обстановке заключалось в том, что высокорискованные сделки могли приносить огромные прибыли, а проницательные люди зарабатывали миллионы и даже миллиарды долларов.

Ключ ко всему заключался в наличии денег, чтобы давать взятки нужным людям в правительстве. Именно поэтому большинство публичных западных компаний с трудом добивались успеха в России. Они не могли раздавать миллионы долларов в виде взяток, не отражая это в отчётности.

Мы могли.

Но мы были «маленькими». Наша компания Star Technology Ltd. была неизвестна. Нам требовались инвесторы, способные привлечь капитал, необходимый для разработки Сухого Лога, автоматически придавая нам деловую репутацию.

Малколм Тёрнбулл из инвестиционного банка Turnbull & Partners в Сиднее стал одним из таких людей. Со временем к нам присоединились и другие влиятельные инвесторы — County National Westminster в Лондоне, Barclays и крупные фигуры британского бизнеса, такие как сэр Рудольф Агню.

Я думала, что с моими российскими корнями и связями и с личной поддержкой Бориса Ельцина путь к богатству будет лёгким. Но почти сразу же вокруг возникла целая галерея

персонажей со своими собственными интересами, которые сделали этот путь в лучшем случае запутанным, а в худшем — откровенно опасным.

Некоторые, как Егор Гайдар — экономист, который в то время был исполняющим обязанности премьер-министра России и к которому я испытывала сильную неприязнь, — обладали серьёзным политическим влиянием. Другие, как загадочный М., который, как утверждали, руководил самой элитной больницей Москвы, предлагали убить наших врагов. Третьи просто стремились к тому, чтобы мы никогда не добились успеха. КГБ (официально переименованный в ФСК в 1991 году, но по-прежнему называемый КГБ) ждал и наблюдал в тени. Даже наш чрезвычайно влиятельный российский советник Катя вела двойную игру.

Каждый раз, когда нам казалось, что мы наконец подошли к завершению мучительного процесса выигрыша тендера по Сухому Логу (официального приглашения подать заявку на проект с установленным сроком подачи предложений), правила снова менялись.

— Нас просто обводят вокруг пальца эти русские! — воскликнул однажды Малколм, доведённый до отчаяния тем, что Сухой Лог превратился в сверкающий приз, который всё время оставался вне досягаемости.

И всё же до самого конца я искренне верила, что у нас получится.

В начале мая 2016 года скандал с «Панамскими документами» стал международной сенсацией. Масштабная утечка файлов из базы данных Mossack Fonseca — крупнейшей в мире офшорной юридической фирмы, базировавшейся в Панаме, — раскрыла, каким образом самые влиятельные люди мира могли пользоваться секретными налоговыми убежищами. Среди упомянутых оказался и Малколм Тёрнбулл, в то время премьер-министром Австралии. «Панамские документы» показали, что он был бывшим директором компании, зарегистрированной на Британских Виргинских островах и созданной и администрируемой Mossack Fonseca.

Нил Ченовет, ведущий финансовый журналист самой престижной австралийской газеты Australian Financial Review, освещал эту историю. Он написал, что в октябре 1993 года Малколм вошёл в совет директоров австралийской компании Star Mining NL, котирующейся на бирже и рассчитывавшей разрабатывать сибирское золотое месторождение Сухой Лог стоимостью 21 миллиард долларов США (30 миллиард австралийских долларов). Пять недель спустя они были назначены директорами дочерней компании Star Mining на Британских Виргинских островах — Star Technology Limited. Одним из ключевых лиц, помогавших получить для Star сибирские лицензии на добычу, добавил Ченовет, была русско-австралийка Людмила Мельникова.

Пресс-секретарь премьер-министра сообщил СМИ, что Малколм Тёрнбулл не знал о том, что компания администрировалась Mossack Fonseca в качестве зарегистрированного агента в Роуд-Тауне на Тортоле (крупнейшем острове Британских Виргинских островов). И Ченовет подчеркнул в своей статье, что нет никаких предположений о неправомерных действиях премьер-министра.

Однако спустя несколько недель после первой волны публикаций в австралийских СМИ Ченовет направил подробное письмо Джону Гарноту — одному из советников премьер-министра по СМИ (и бывшему корреспонденту Fairfax Media в Китае), — в котором отметил, что картина стала несколько более сложной. Мне предоставили доступ к этому письму и к подробным вопросам, которые Ченовет задавал относительно делового участия Малколма в Star Mining.

В конце он добавил ещё один вопрос:

Существуют давние утверждения, поступающие из различных источников, что между г-ном Тёрнбуллом и г-жой Мельниковой существовала романтическая связь в той или иной форме. Я должен подчеркнуть, что не утверждаю наличие сексуальных отношений. Однако для протокола я обязан спросить о характере рабочих отношений между г-ном Тёрнбуллом и

г-жой Мельниковой: можно ли их охарактеризовать как тёплую дружбу; и можно ли в какой-либо момент назвать их романтической привязанностью или даже увлечённостью — со стороны одного или обоих участников?

Ответа от премьер-министра не последовало.

Ровно через одиннадцать лет после того, как мы вошли в кабинет Бориса Ельцина, я узнала, почему Иэн Макни так стремился вести бизнес в России. Всё то время, пока мы вместе гонялись за Сухим Логом, я и не подозревала, что происходит нечто ещё — даже в тот день, когда по дороге в аэропорт нашу машину перехватил длинный лимузин с затемнёнными стёклами.

После того как наш водитель съехал на обочину, дверь лимузина открылась, и из него вышла пышная блондинка лет сорока с небольшим. На ней была густо подведённая чёрная подводка, ярко-красная помада и коричневый твидовый костюм с юбкой, дополненный коричневыми кожаными сапогами до колена.

Иэн сказал мне, что её зовут Надя. Она была украинкой, и у него были для неё какие-то документы. Он вышел из машины, и они недолго поговорили, после чего он передал ей большой жёлтый конверт. Надя ни разу не посмотрела в мою сторону, пока я сидела на заднем сиденье, наблюдая за происходящим с недоумением.

Когда Иэн вернулся, я с любопытством спросила:

— Всё в порядке?

— Да, малышка, — ответил он, и лимузин умчался в противоположном направлении.

Он взял меня за руку и держал её до конца поездки.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мои ранние годы

Меня зовут Людмила Мельникова. Я единственный ребёнок Олега и Натальи. Родилась я в 1960 году в Аделаиде — «городе церквей», столице Южной Австралии.

Оба моих родителя были русскими эмигрантами и оказались в Аделаиде в 1950-х годах. Моя мама родилась в 1938 году в Харбине — столице Маньчжурии в Китае. После революции 1917 года этот город стал своеобразным анклавом русской аристократической эмиграции.

Крошечный домик с одной спальней, где мама начинала свою семейную жизнь, разительно отличался от голубого деревянного особняка на десять комнат на окраине Екатеринбург, в Уральских горах, где когда-то жили её дед и бабушка — Виктор и Соня. Их роскошное имение обслуживала целая армия крепостных.

Мой прадед Виктор был дворянином с необычной историей. Он происходил из рода Сергея Бухвостова — «первого солдата» Петра Великого, майора артиллерии флота и приближённого царского двора в Санкт-Петербурге. Пётр Великий правил Россией с 1682 по 1721 год и основал Санкт-Петербург.

Виктор был высоким, статным мужчиной с густыми чёрными волосами и пышными усами. Соня — белокурая красавица из чрезвычайно состоятельной немецкой семьи — обладала пронзительными изумрудными глазами и точёной фигурой.

Виктор служил хирургом. С Соней он познакомился в роскошно позолоченном бальном зале Большого дворца Санкт-Петербурга. Они полюбили друг друга, поженились, у них родились трое детей — две прекрасные дочери и красивый сын. Некоторое время семья жила счастливой и безмятежной жизнью в своём имении.

Затем грянула революция.

Виктор вступил в роялистскую Белую армию и отправился воевать против большевистской Красной армии в Сибирь. На следующий год его отряд продвигался к Екатеринбург, но к

тому времени большевики уже ушли, расстреляв царя Николая II и его семью. Тел не осталось — лишь окровавленный палец с эмалированным золотым кольцом Фаберже.

Понимая, что гибель царя означает поражение Белого движения, Виктор решил отступать через границу в Китай. Он вернулся в своё имение под Екатеринбург, но обнаружил, что Соня с детьми, как и тысячи других, бежали в Харбин.

Виктор отправился в опасный путь вслед за ними, преследуемый большевиками. Им удалось сесть в последний поезд, покидавший Россию. Однако на пограничной станции их уже настигла Красная армия. Измученный голодом, Виктор в последний момент сошёл на перрон — его привлекла пожилая женщина в лохмотьях, продававшая горячие булочки.

Из вагона его люди услышали выстрел. Поезд уже тронулся. Оглянувшись, они увидели тело Виктора, оставшееся на платформе.

Соня была безутешна. всю жизнь она носила траур, ежедневно одеваясь в чёрное. Моей бабушке Марианне тогда было всего два года. Соня растила детей одна и, когда они повзрослели, стремилась как можно скорее устроить их судьбу.

В семнадцать лет Марианна неохотно приняла предложение руки и сердца от Анатолия — состоятельного горного инженера, выпускника горной академии в Германии, руководившего строительством Транссибирской железной дороги через Маньчжурию. Он был ровно вдвое старше моей бабушки. В их браке родился один ребёнок — моя мама Наталья. Позднее Анатолий проявил себя как неисправимый бабник, и супруги расстались.

Сестра Марианны Нина вышла замуж за русского казака по имени Тарас. Как и многие казаки, в начале 1920-х годов он поселился на ферме неподалёку от Дарвина — столицы Северной территории Австралии. Дарвин находится на самом севере континента, где круглый год стоит изнуряющая жара и высокая влажность. Казакам нужны были русские жёны, которых в Австралии не было, и потому многие отправлялись в Харбин.

Однажды Тарас въехал в город верхом и увидел Нину на улице. Для него это была любовь с первого взгляда: он подхватил её, усадил на коня и ускакал. Но Нина тоже влюбилась в него, и вскоре они обвенчались в русском храме Харбина, а затем отправились на корабле в Австралию. Поскольку Тарас умел только вести хозяйство, они вернулись на его уединённую ферму под Дарвином. Нина родила четверых детей, но не смогла вынести ни невыносимой жары, ни побоев мужа и в 1955 году бежала в Аделаиду к русской общине из Харбина.

Тем временем Харбин превратился в процветающий космополитичный центр с русскими магазинами, школами, ресторанами, церквями, соборами, музеями и зданиями в пышном имперском стиле Санкт-Петербурга — с позолотой и пастельными фасадами. Его называли «Парижем Востока». Русские и китайцы жили там в мире и согласии. Мама полюбила китайский народ и выучила мандаринский язык, чтобы глубже понять их культуру и историю.

Однако в 1949 году в Китае произошла коммунистическая революция, и председатель Мао Цзэдун приказал всем «белым лицам» покинуть страну. Моя семья вновь осталась без дома. Перед ними стоял выбор: возвращение в Советский Союз или эмиграция в Канаду, Бразилию либо Австралию.

Мой прадед решительно возражал против возвращения в СССР. У него была информация о том, что русские инженеры, работавшие на КВ железной дороге — в том числе Анатолий, отец моей мамы, — которые вернулись в Советский Союз в 1935 году после передачи дороги Китаю, были репрессированы Сталиным: одни расстреляны, другие отправлены в сибирские лагеря как «предатели» и «шпионы». Сталин стремился заставить их замолчать, чтобы они не рассказывали о своей обеспеченной жизни за границей.

В 1953 году, после смерти Сталина, половина русской эмиграции вернулась в Советский Союз «на родину», хотя многие из них никогда не жили в России и родились в Китае. Другая половина, включая мою семью, отправилась в Австралию — страну, которую рекламировали как «золотую землю возможностей».

Маме было семнадцать, когда они покинули Харбин и отправились в Аделаиду. Путешествие по морю оказалось тяжёлым: на корабле вспыхнула эпидемия тифа. Сначала умер единственный сын Сони, затем вскоре скончалась и сама Соня. Их тела были преданы морю.

Когда корабль прибыл в Аделаиду, на берег сошли только мама и бабушка. У них не было ни денег, ни знания английского языка. К счастью, их встретила Нина, и вскоре они стали частью сплочённой русской общины.

Вскоре после прибытия мама — страстная волейболистка — познакомилась с моим отцом Олегом во время смешанного матча. Олег и его семья эмигрировали в Аделаиду из Германии в 1954 году.

Отец родился в 1937 году в Крыму. Его отец, также происходивший из аристократической семьи, в 1942 году перевёз семью в Германию; он был убеждённым антикоммунистом и воевал на стороне Германии против собственной страны. Мама, горячо любившая Россию своих предков, считала его убийцей русского народа и поклялась никогда не переступить порог его дома.

Маме был двадцать один год. Она была красивой, стройной девушкой с тёмно-карими глазами и длинными тёмными волосами, уложенными в высокий пучок. Олег — загорелый блондин двадцати двух лет с мечтательными голубыми глазами — выглядел настоящим красавцем. В день свадьбы они составляли эффектную пару.

Они поселились в небольшом доме с одной спальней и маленьким садом вместе с моей бабушкой. По русской традиции молодожёны жили со старшим поколением, которое пользовалось большим уважением. Бабушка вела хозяйство и спала на раскладной кровати на кухне. Когда родилась я, именно она стала моей главной няней.

Однако брак родителей оказался недолгим. Мама считала жизнь с Олегом — и вообще жизнь в Аделаиде — удушающей. Она была интеллектуалкой, тогда как отец был неграмотным. Союз оказался несоразмерным.

Когда мне исполнилось два года, мама и бабушка собрали вещи и увезли меня в Сидней — оживлённый город на восточном побережье Австралии. Мы поселились в таунхаусе на улице Элизабет в районе Паддингтон.

Позднее мама встретила своего старого знакомого по Харбину — Алекса Мельникова. Он был загорелым, крепким фермером, любившим мотоциклы и рыбалку. Он согласился переехать в Сидней, и в 1964 году они поженились. Мне было пять лет. Вскоре родились мои сёстры — Марина и Вероника.

Мы жили на Бронте — в пяти минутах ходьбы от океана. Золотой песок, прозрачные волны, скальный бассейн, парк с беседками — это место я любила всем сердцем. В 1989 году я купила квартиру почти напротив родительского дома за 285 000 австралийских долларов, а через несколько лет продала её за 460 000.

С ранних лет для меня было важно финансово полагаться только на себя. Возможно, это шло от бабушки, которая строго повторяла: если я не получу образование и не сделаю карьеру, то окажусь на улицах Кингс-Кросса — сиднейского квартала с дурной славой.

Бабушка воспитывала меня строго. Мне разрешалось общаться только с русскими детьми — она считала австралийцев распушенными. По субботам я посещала русскую школу, где изучала язык, историю, литературу и культуру России. Моя социальная жизнь вращалась вокруг концертов, танцев и вечеров в русском клубе.

В обычной школе я чувствовала себя чужой. Меня дразнили. Я не носила косметику — бабушка считала, что это делают только легкомысленные девушки.

— Ты должна сохранить девственность до брака, — повторяла она. — Иначе ни один мужчина не захочет на тебе жениться.

Я очень любила бабушку. Когда она умерла от рака вскоре после моего шестнадцатилетия, я переживала это как потерю матери. Боль утраты не отпускала меня долгое время.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Два университета

В семнадцать лет я поступила в Университет Нового Южного Уэльса в Сиднее (UNSW), выбрав специальность по биохимии и биотехнологии. В учебном плане обязательно должен был быть один гуманитарный предмет, и я взяла русский язык. К тому времени моя мама уже преподавала на русской кафедре UNSW.

После закрытого, почти монастырского воспитания университетская жизнь показалась мне бесконечным праздником. Очень скоро я познакомилась с девушкой по имени Фрэн — она стала моей лучшей подругой. Мы веселились так, будто завтрашнего дня не существовало.

На середине второго курса мама однажды вечером ворвалась ко мне в комнату в состоянии крайнего возбуждения. Мне предложили годовую стипендию для изучения русского языка и литературы в Московском университете. Стипендия была учреждена Обществом российско-австралийской дружбы совместно с русской кафедрой UNSW. Я не сомневалась, что мама приложила руку к моему отбору.

Я мечтала увидеть Россию столько, сколько себя помнила. Я старалась не думать о ней как о коммунистической стране. В моём воображении жила дореволюционная Россия из бабушкиных рассказов: тройки, мчащиеся сквозь метель; ослепительные балы высшего света; летние пикники в тенистых садах; приёмы в позолоченных дворцах; шумные казачьи пляски.

Я совершенно не представляла, что меня ждёт. Никогда прежде я не уезжала из дома и испытывала тревогу, бронируя билеты. Денег было немного, поэтому я выбрала самый дешёвый вариант: перелёт до Белграда авиакомпанией JAT и затем поезд до Москвы. Вылет был назначен на 6 сентября 1979 года.

В аэропорту я обняла родных и друзей — даже отца, который пришёл проводить меня, — и прошла через зону вылета, рыдая и крепко прижимая к себе огромного плюшевого коалу, подаренного друзьями. Я с детства обожала медведей и играла с ними вместо кукол. Этот коала был моим талисманом, моей защитой.

В Белграде я потеряла коалу. И, возможно, чуть не потеряла жизнь.

В сербской столице я должна была провести всего один день. Но когда тем же вечером я покидала город, мне было уже всё равно — я хотела лишь одного: поскорее уехать.

Наивная девятнадцатилетняя австралийка в ярко-розовом спортивном костюме, с медведем под мышкой, вышла из аэропорта Белграда и села в такси с беспечной улыбкой человека, впервые оказавшегося за границей. Мне казалось, что вокруг — одни друзья.

Таксист представился Гораном. Ему было около двадцати — чуть старше меня. У него была завораживающая улыбка. Он предложил сесть рядом, на переднее сиденье. Мы понимали друг друга без труда: многие сербские слова похожи на русские. Я объяснила, что вечером уезжаю поездом с центрального вокзала Белграда, мне нужно оставить багаж в камере хранения, а потом — немного осмотреть город.

Мне следовало насторожиться, когда он положил руку мне на колено. Я замерла. Он убрал руку. Я промолчала.

Вскоре мы пообедали в уличном кафе на оживлённой улице напротив вокзала. Мой коала сидел на столе — единственная связь с домом. И вдруг к нашему столику подбежал незнакомец, схватил игрушку и бросился бежать. Я была потрясена.

Горан помчался за ним, но вернулся ни с чем. Он сказал, что знает этого парня. У него есть друзья, которые помогут вернуть медведя. Кафе — их место встречи. В семь тридцать вечера коала обязательно будет возвращён.

Я была подавлена. Когда Горан предложил пойти на вечеринку к его друзьям — «чтобы отвлечься» — я без особого интереса согласилась. Мне казалось, что так быстрее пройдёт время.

Тревога начала нарастать, когда мы долго ехали на окраину города, а затем оказались у неприветливого пятиэтажного здания с грязными окнами и мигающей неоновой вывеской HOTEL.

Вопреки инстинкту, я пошла за ним внутрь. Он сказал, что вечеринка в баре, и попросил мой паспорт — якобы для регистрации иностранцев. Паспорт он передал полной женщине средних лет за стойкой.

Никакой вечеринки не было.

Вместо этого я оказалась в комнате с двумя двухъярусными кроватями и больше ничем. Горан втолкнул меня внутрь и запер дверь.

Я кричала и стучала в неё кулаками. Никто не пришёл на помощь. Когда он приСазал мне раздеться, я закричала ещё громче. Он ударил меня по лицу. Из рта потекла кровь.

Я не знала, на что он способен. Паспорт был у него. Мне хотелось лишь одного — остаться в живых и добраться до вокзала. У меня не было выбора.

После того как он меня изнасиловал, Горан оделся, опустился передо мной на колени и заявил, что теперь я принадлежу ему. Он сказал, что любит меня. И что теперь ни один мужчина меня не захочет. Мы поженимся, объявил он, и начал загибать пальцы, считая будущих детей.

Мне хотелось рассмеяться от абсурдности происходящего, но я заставила себя говорить спокойно. Я сказала, что обязана уехать в Москву — меня ждёт университет. Через год я вернусь.

— Ты выйдешь за меня? — потребовал он.

— Конечно, — ответила я.

Мы забрали паспорт и вернулись к кафе. Никого с коалой там не было. Но вокзал находился напротив. Я осторожно сказала, что поезд отправляется в 20:30 и нам нужно забрать мой чемодан.

Он не возражал.

На платформе, когда я прощалась, Горан вдруг заплакал. Раздался свисток. Я вскочила в вагон прежде, чем он успел меня поцеловать. Когда поезд тронулся, я увидела, как он рыдает на перроне.

В купе я осталась одна. Мне нужна была тишина. Я старалась не думать о случившемся. Поезд мчался по Югославии сквозь осенний пейзаж с алыми и золотыми листьями. Я начала вести дневник — тот самый, который спустя годы станет основой этой книги.

На советской границе поезд остановился. Солдаты приСазали всем выйти. Нас провели в зал, выстроили в очередь. За стеклянным окном сидела крупная женщина, проверяла паспорта и с силой ставила штамп на каждом.

Вернувшись в купе, я обнаружила свой зелёный чемодан раскрытым — вещи были разбросаны, но ничего не пропало.

Когда поезд пересёк границу, меня пронзила мысль:

Я в Советском Союзе!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Наконец-то Москва

На следующее утро поезд прибыл на центральный вокзал Москвы. Моё первое впечатление о российской столице было не из лучших. Город выглядел серым, унылым, загрязнённым

и неприветливым. Падающий снег мгновенно превращался в слякоть, а люди, пробирающиеся через неё, казались враждебными. Даже бабушки — пожилые женщины в платках — хмурились.

На платформе меня ждали двое мужчин в костюмах с табличкой «Московский университет». Они помахали мне и усадили в фургон, и как только мы тронулись, начали произносить патриотические речи о Советском Союзе. Мы проезжали мимо обветшалых бетонных жилых домов, магазинов с грязными окнами и длинных очередей россиян, ожидающих покупки продуктов. Ближе к центру города я заметила несколько гостиниц и зданий царской эпохи, которые когда-то, очевидно, были очень красивыми, но теперь выглядели грязными и заброшенными. Большая часть города состояла из советских архитектурных чудовищ, создающих огромную мрачную панораму из серого бетона.

И всё же я испытывала только волнение, когда мы направлялись к Ленинским горам, и была в восторге, заметив знаменитый величественный серебристый шпиль Московского университета, мерцающий в дымке. Мы подъехали к главному корпусу университета — впечатляющему высокому зданию, окружённому четырьмя массивными крыльями общежитий.

Я не могла поверить, что нахожусь здесь и собираюсь стать студенткой Московского университета.

Однако мой восторг поубавился, когда я узнала, что специальное общежитие для иностранных студентов находилось далеко от корпусов, где жили русские студенты, и что иностранцам запрещалось покидать своё общежитие без специального разрешения. Все входы в Западное крыло, как назывался наш корпус, охранялись.

По крайней мере, у меня была отдельная комната — настоящая роскошь. Она была маленькой, со светло-зелёными стенами и старым деревянным полом; в ней стояли односпальная кровать, шкаф, письменный стол и раковина в углу с зеркалом над ней.

Я была решительно настроена познакомиться с русскими студентами, поэтому на следующий день в сумерках собрала волосы в высокий хвост, накрасила ресницы чёрной тушью и губы ярко-красной помадой и прошла через контрольный пункт на главный кампус, притворившись советской студенткой из Эстонии, где по-русски говорили с акцентом, похожим на мой австралийский. Поскольку я выглядела как русская и говорила по-русски, охранники не задавали вопросов.

На стене в коридоре висела афиша, рекламирующая танцевальную вечеринку в главном зале тем вечером. Я направилась туда. Зал был огромным — с бело-коричневыми мраморными полами, белыми мраморными стенами, чёрными гранитными колоннами и высоким, богато украшенным потолком. Я только что пришла и наблюдала, как все толпятся в облаках белого дыма перед сценой, где играла группа, когда из толпы вышел юноша с тёмными кудрявыми волосами, тёмными глазами, веснушками и роскошными губами. На нём были узкие джинсы и белая рубашка с бледно-голубыми полосками. У меня подкосились колени.

— Не хотите потанцевать? — спросил он.

— Хочу! — ответила я с улыбкой.

Он прижал меня к себе, и мы покачивались под ритмы диско. Я держалась за него, желая, чтобы этот момент никогда не заканчивался. В конце концов музыка стихла, и яркий свет озарил зал, означая окончание вечера. Мой новый кавалер предложил проводить меня до общежития. По дороге я узнала, что этого обаятельного молодого человека зовут Артур и он студент-медик. Мы поцеловались на прощание — короткий поцелуй, но достаточный, чтобы разжечь аппетит.

Я увидела его снова на следующей неделе на пятничных танцах, и ещё через неделю — после чего мы стали встречаться и в будние дни. Мы встречались на лестнице у моей комнаты, разговаривали, целовались и обнимались.

Я по-настоящему наслаждалась университетской жизнью, и поскольку большую часть предметов я уже изучала в русской школе дома, я отлично училась. Единственным предметом, с которым у меня были трудности, была фонетика, потому что, как бы я ни старалась, мне не удавалось освоить московскую растяжную манеру произношения.

Недели пролетали. Однажды Артур схватил мою руку и прижал её к своей пылающей щеке.

— Людмила, я должен быть с тобой. Ты сводишь меня с ума. Я люблю тебя, моя дорогая Людмила, как не любил никого!

Наконец готовая отдаться ему, я воскликнула:

— Я тоже тебя люблю! Мой ответ — да.

— О, это чудесно. Тогда до завтра.

— Мой дорогой, к сожалению, завтра я уезжаю в Узбекистан на полевую поездку на неделю со всеми иностранными студентами, так что давай встретимся в следующую субботу вечером у меня в комнате.

Он выглядел огорчённым, но ответил:

— Хорошо. Я приду к тебе в следующую субботу ровно в восемь вечера.

Он обнял меня и страстно поцеловал.

— До тех пор, любовь моя! — крикнул он, сбегая по лестнице и исчезая за дверью.

Я впервые в жизни была влюблена и не могла дожидаться ночи с ним. Я проклинала эту несвоевременную поездку.

Мы выехали в полночь, чтобы успеть на самолёт в Ташкент, столицу Узбекистана. Страна была засушливой, бесплодной и очень жаркой, но при этом экзотичной и красивой.

Ташкент был значительно перестроен после сильного землетрясения 1917 года, но, к счастью, большая часть Старого города сохранилась, и мы гуляли по его узким извилистым улочкам мимо глинобитных домов и древних мечетей и мавзолеев. В тот вечер мы ужинали в популярном ресторане «Афсона», известном своим фирменным узбекским блюдом плов — ароматной смесью риса, баранины, лука, моркови, изюма и специй. На следующий день мы отправились на автобусе в Самарканд — второй по величине город Узбекистана, ровесник Вавилона.

Самарканд оказался величественным мусульманским городом, его линия горизонта была усыпана мечетями и минаретами, покрытыми позолоченной бирюзовой и пурпурной мозаикой, которые сверкали на солнце и сияли в лунном свете.

Мы посетили самаркандские рынки, где местные фермеры продавали фрукты, овощи, выпечку и мясо. Я запаслась помидорами, арбузами, виноградом, абрикосами, гранатами, инжиром, яблоками и экзотическими фруктами, которых раньше никогда не видела. В Москве свежие продукты были редкостью; купить свежие фрукты и овощи можно было только на чёрном рынке по непомерным ценам.

Я направилась обратно к автобусу, а за мной тянулась длинная вереница усердных узбекских мальчиков, несущих мои покупки в руках и на головах. Мои однокурсники, смеясь, кричали:

— Людмила, ты выглядишь как арабская принцесса, за которой следует свита обожающих рабов!

Я смеялась в ответ, наслаждаясь моментом.

Позже мы отправились в аэропорт и вернулись в Москву в субботу днём. Я была вне себя от радости при мысли о том, что вечером увижу своего прекрасного Артура.

Я накрыла стол в своей комнате яркой узбекской скатертью, которую купила, разложила фрукты с самаркандского рынка и зажгла две свечи, завершив романтическую обстановку. Восемь часов пришли и прошли, но Артура всё не было. Прошёл ещё час, потом ещё. К полуночи я была в отчаянии — было очевидно, что он не придёт. Забыл ли он, или с ним что-то

случилось? Я была разбита. Наконец я легла в постель, слёзы стекали по щекам и пропитывали подушку.

На следующий день я пошла к нашему обычному месту встречи у лестницы. Его там не было. Я проверила все остальные этажи, комнаты друзей, столовую, бассейн, где он тренировался, но Артура нигде не было. Никто не знал, где он. Я вернулась к лестнице и села на нижнюю ступеньку, чтобы перевести дыхание.

Вдруг появился его друг Юрий. Он шёл, читая газету, полностью игнорируя мои приветствия. Когда он приблизился, он тихо, но совершенно отчётливо прошептал:

— Не ищи его. Он исчез, —

и продолжил идти.

Раненая и сбита с толку, я побежала за ним, слёзы застилали мне глаза.

— Юрий, почему? — крикнула я, но Юрий не обернулся.

До сих пор я не знаю, были ли причиной нашего разрыва советские правила, запрещавшие русским общаться с иностранцами, хотя это кажется наиболее вероятным объяснением.

Артур был моей первой большой любовью — и моей первой потерянной любовью.

На следующее утро директор подготовительного курса для иностранцев срочно собрал всех иностранных студентов. В костюме и галстукe он выглядел напряжённым. Я стояла и смотрела на него покрасневшими и опухшими от ночных слёз глазами. Он мельком взглянул на меня и затем избегал моего взгляда.

Он сообщил, что произойдут изменения. Причиной были Олимпийские игры, которые должны были вскоре начаться в Москве. Кампус университета нужно было отремонтировать для размещения олимпийских гостей. В связи с этим всех иностранных студентов переселяли в гостиницу. Экзамены мы должны были сдать раньше намеченного срока — и большинство из нас уезжало домой в апреле 1980 года, за три месяца до начала игр.

Для всех нас это было ошеломляющей новостью. Раньше об олимпийских гостях не говорилось ни слова. На следующее утро я в меланхоличном настроении упаковала вещи. Автобус отвёз нас в наш новый дом на окраине Москвы.

Гостиница представляла собой высокий, уродливый бетонный жилой блок посреди огромного травяного поля. Каждое утро нам приходилось добираться до университета общественным транспортом, и мы ехали, как сельди в бочке, по два часа в одну сторону — сначала в переполненном автобусе, затем в ещё более переполненной электричке. Мы были так далеко от центра города, что выходить вечером было почти невозможно. А затем наступила зима, и трава превратилась в глубокий снег.

Однажды вечером я всё же решила не обращать внимания на погоду и вернуться в университет на пятничные танцы — в своей безнадёжной попытке найти Артура. Его там не было.

Ближе к полуночи я печально направилась обратно в гостиницу. Было минус двадцать градусов. Я прождала автобус час и ещё час простояла в неотапливаемом салоне. К тому времени, как он прибыл на мою остановку напротив гостиницы, мои ноги и руки онемели. Я пошла через поле к отелю и в какой-то момент упала навзничь в мягкий, пушистый белый снег. Мне так хотелось остаться лежать там, закрыть глаза и просто уснуть. Но я знала, что замёрзну насмерть.

Когда я наконец, пошатываясь, вошла в двери гостиницы, несколькими моим однокурсниками пришлось помочь мне добраться до комнаты, в то время как другие поспешили принести тазы с горячей водой для моих рук и ног. Я кричала от боли, когда моё тело начало оттаивать.

Это был последний раз, когда я пыталась выйти той зимой. Мрачность вокруг соответствовала моему настроению. Я чувствовала только печаль.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Смогу ли я когда-нибудь вернуться?

Наступила весна 1980 года. Москва в солнечном свете была совершенно другим городом, и наконец-то моё настроение стало подниматься.

Однажды в апреле в поезде со мной заговорил симпатичный голубоглазый милиционер (русский полицейский). У него были полные, чувственные губы, которые я люблю, и прекрасная фигура. В аккуратной серой форме гражданской милиции — с тёмно-серым кителем с красной полоской, галстуком и военной фуражкой с широкой красной лентой и золотым советским значком серпа и молота — он выглядел лихо. Его звали Николай. Оказалось, что он заочно учится на факультете психологии Московского университета. Мы начали встречаться.

Разумеется, рано или поздно мне пришлось сказать Николаю, что вскоре я должна уехать из Москвы. Когда я сказала ему об этом, он умолял меня остаться. Он сказал, что влюбился в меня. Естественно, я колебалась, но мне нужны были деньги. Я отправила отцу телеграмму: «Здесь отличные парни, папа. Пожалуйста, пришли ещё денег, чтобы я могла остаться подольше». Папа любезно прислал мне 200 долларов, и я решила остаться нелегально, без визы.

Мои последние дни в Московском университете пролетели быстро. На прощальной вечеринке для иностранных студентов я произнесла серию тостов, обнимала и целовала всех подряд, а затем якобы отправилась в международный аэропорт Шереметьево, чтобы улететь домой. Я знала, что когда директор языкового факультета получит срочный звонок о том, что я не явилась на рейс, я уже буду в безопасности с Николаем. Я смеялась в такси, просто думая об этом.

Николай жил в милицейских казармах в центре Москвы, прямо рядом с Кремлём. Никому и в голову не придёт искать меня там!

Что заставило меня пойти на такой риск? Порывистость молодости, моё влечение к Николаю — и моя русская кровь с её страстной натурой! Быть нелегалом в коммунистической стране было вовсе не шуткой, но я убеждала себя, что если КГБ найдёт меня, меня просто депортируют обратно в Австралию.

Я полностью погрузилась в жизнь как русская. Я ходила с Николаем на вечеринки и познакомилась со всеми его друзьями. Я открыто рассказывала о жизни в Австралии, читала запрещённые стихи на кухнях их маленьких квартир и смеялась над политически рискованными шутками — например: «Капитализм загнивает, но какой чудесный запах!» За такое поведение можно было попасть в тюрьму, но ни один из друзей Николая, казалось, об этом не беспокоился.

Неизбежно коллеги Николая по милиции начали расспрашивать его о его «красивой девушке». Никто из них не знал, что я иностранка, но поскольку нам всем приходилось пользоваться одним туалетом и умывальником — душа не было, — их любопытство росло, и в конце концов стало невозможно продолжать жить с ним в казарме.

Николай нашёл съёмную комнату в соседней квартире. Я жила там временно, хотя в итоге мне пришлось переехать три раза. Квартиры были грязными. В основном мне приходилось делить ванную и кухню с другими жильцами. Три русские семьи, живущие в трёхкомнатной квартире, — это было обычным делом. В Москве ощущалась острая нехватка жилья, и очередь на получение квартиры от Коммунистической партии растягивалась на годы.

Деньги снова стали проблемой. Я не хотела обременять Николая финансово, поэтому начала продавать свою одежду на чёрном рынке через таксистов. Красные сигареты Marlboro и джинсы были самым ходовым товаром, и мне удалось продать пять пар своих старых джинсов за 1000 долларов США.

А потом, совершенно неожиданно, Николай сделал мне предложение. Мы очень сблизились, и я легко могла представить себя его женой. Но я сказала, что должна подумать. Правда

заклучалась в том, что исчезновение Артура всё ещё преследовало меня. Каждый раз, когда мы занимались любовью, я думала только об Артуре.

Наступило лето. Москва в жару была прекрасна. Сверкающие золотые купола её церквей, серебристо-бело-зелёные берёзовые леса и мерцающие реки, пересекающие и опоясывающие город, придавали ему очарование.

В один душный августовский день, когда вдали гремел гром, Николай и я отправились на пикник в сочный зелёный сосновый лес с несколькими друзьями. По дороге я зашла в маленький продуктовый магазин купить бутылку водки и несколько бутербродов. Вдруг из ниоткуда возник милиционер в знакомой серо-красной форме, как у Николая, и схватил меня за плечо.

— Девушка, ваш паспорт, пожалуйста.

— Вот, — ответила я, протягивая паспорт. Я привыкла к таким проверкам, потому что в Москве я выделялась, как бельмо на глазу. Я выглядела по-русски, но носила «западную» одежду, которая, к сожалению, считалась отличительным признаком русских проституток, получавших такие наряды от иностранных поклонников.

— Пройдёте со мной. На ваше имя выписан ордер на арест.

Я упала в шок. Через несколько минут милиционер уже запикивал меня на заднее сиденье патрульной машины. Второй сотрудник сидел впереди, готовый тронуться. В следующую секунду Николай бросился к машине. Его друзья схватили его за руки, удерживая, а автомобиль уехал, и я отчаянно смотрела на него через окно.

В отделении милиции я попыталась держаться смело:

— Я хочу позвонить в своё посольство, пожалуйста.

— Нет.

Я возразила:

— Каждый иностранец имеет законное право позвонить в своё посольство в случае ареста. Я видела это в фильмах, — сказала я с полуулыбкой, пытаясь разрядить обстановку.

— Не в России, — прозвучал угрожающий ответ.

Через час к отделению подъехал большой чёрный лимузин «Чайка». Из него вышли трое суровых мужчин и вошли внутрь. Двое из них схватили меня за руки.

— Пойдёте с нами.

Меня отвезли в Управление виз и регистрации СССР — ведомство, отвечавшее за иностранные визы, — и по длинной узкой лестнице провели в мрачную комнату со столом и двумя стульями, стоящими друг напротив друга. Там меня допрашивали часами. Главным следователем КГБ был майор Поповский. Он выдвинул стул и приказал мне сесть. Это был массивный мужчина с широкими плечами и крупной квадратной головой, в старом поношенном сером костюме. Он сел напротив меня, а остальные допрашивающие стояли за его спиной.

Они потребовали, чтобы я написала имена всех людей, с которыми контактировала в Москве. Я отказалась. Ещё чего — предавать Николая и его друзей! Воздух стал густым от дыма отвратительных «Беломор» — дешёвых советских сигарет без фильтра, которые они курили. Мне отчаянно хотелось свежего воздуха.

Майор Поповский спросил, где я жила последние пять месяцев.

— Я жила там, где находилась комната для съёма, — ответила я. — Точные адреса я не помню. Я часто переезжала и помню только названия улиц.

— Где вся ваша одежда, товарищ Мельникова?

— Я продала почти всё, чтобы купить еду. Однажды я купила дюжину ящиков советского шампанского в обмен на одну пару джинсов, — похвасталась я.

— Это запрещено законом в Советском Союзе! — закричал майор Поповский, туша сигарету. Он потребовал объяснить, почему я осталась в Москве без визы. Возможно, прорычал он, я шпионка.

— Кто посоветовал вам остаться? Пишите их имена!

— Я осталась, потому что влюбилась в Москву и хотела узнать город и познакомиться с русскими, что мне было запрещено в университете, — ответила я, чувствуя раздражение.

— Ах, вы хотели открыть для себя Москву! А как насчёт остальной России?

— Я бы хотела посетить Екатеринбург на Урале.

Я рассказала ему о семейной истории в России и о поместье под Екатеринбургом, где когда-то жили мои прадеды, и о том, что по линии прадеда я состою в родстве с Петром Великим.

Майор Поповский не был впечатлён.

— Продолжайте допрашивать эту чёртову маленькую принцессу Петра Великого! — рявкнул он своим людям и вылетел из комнаты.

Через несколько часов мне отчаянно понадобилось в туалет, и я попросила разрешения воспользоваться уборной. Двое мужчин вывели меня в коридор, но вместо туалета провели на улицу и усадили на заднее сиденье того самого чёрного лимузина.

Потрясённая, я спросила, куда мы едем, но ответа не получила.

В конце концов мы прибыли в пригород на окраине Москвы под названием Северный, где машина остановилась у грязного серого здания рядом со свалкой на Дмитровском шоссе. Высокие железные ворота здания распахнулись. В ужасе я прочитала надпись на стене: «Центр социальной реабилитации № 2».

Это была тюрьма.

Меня бесцеремонно втолкнули внутрь, а затем запихнули в крошечную камеру ожидания размером с телефонную будку. В течение нескольких секунд я впала в истерику и начала кричать во весь голос, колотя в дверь, осознавая серьёзность происходящего.

В конце концов мои конвоиры вернулись, и меня заставили идти по различным тёмным коридорам, пока мы не остановились у маленькой сырой камеры с бетонным полом и стенами из шлакоблоков. Дверь была сплошь металлической, с прямоугольной щелью внизу и маленьким открытым глазком для охраны. Они втолкнули меня внутрь — и дверь камеры с грохотом захлопнулась.

Я осталась одна в крошечной камере — узница Советского Союза, коммунистической страны. Неглубокий цементный жёлоб в углу служил туалетом. От него разило мочой и фекалиями. Посреди потолка висела голая лампочка, которая горела и днём и ночью. Резкий свет бил в глаза. За решётчатым окном выли дикие собаки. Было леденяще холодно. Я почти не спала. Три раза в день еду подавали через маленькую щель в двери. Все приёмы пищи были одинаковыми: чёрный хлеб, молоко, вода и уха — обычно это вкусный русский рыбный суп, но здесь это была всего лишь рыба голова, плавающая в кипятке. Через несколько дней одежда стала болтаться на мне.

Единственный раз, когда мне позволяли выйти из камеры, был днём, когда я могла пять минут походить по крыше тюрьмы. Это была вся моя физическая нагрузка.

Душ я приняла только один раз — на следующий день после прибытия. На мне всё ещё были те же джинсы и ярко-розовый свитер; ко всему прочему у меня начались месячные. Мне пришлось попросить одного из охранников разрешить мне увидеть медсестру. Через несколько часов появилась женщина-охранник и сообщила, что медсестёр нет. Она спросила, в чём проблема. Я объяснила, и она ушла — вернувшись с рулоном ваты.

Как заядлой курильщице, мне отчаянно хотелось сигарету. Но хуже всего было то, что мне совершенно нечем было заняться. Скука сводила меня с ума. Самым страшным было то, что я не имела ни малейшего представления, когда — и вообще выпустят ли меня — поскольку охрана отказывалась сообщать какую-либо информацию. Многие люди в российских тюрьмах просто исчезали бесследно. Я всё время думала о том, что моя семья никогда не сможет найти меня здесь. И австралийское посольство тоже. Я полностью находилась во власти своих тюрем-

щиков. А что если они действительно верят, что я шпионка? А что если они захотят, чтобы я стала шпионкой — и я откажусь?

Однажды один из охранников принёс мне пачку сигарет Marlboro и коробок спичек. Я даже не могу вспомнить, как он выглядел.

— Спасибо, — сказала я с благодарностью. — Вы не знаете, когда меня отсюда выпустят?

— Нет, — ответил он. — Но я постараюсь узнать.

Он начал целовать меня. Мне было всё равно: мне отчаянно нужна была хоть какая-то нежность. Он стал целовать меня настойчивее — затем просунул руку под мою кофту и стал мять мою грудь. Я ответила на его поцелуй. Через несколько секунд мы услышали шаги.

Охранник мгновенно вскочил и убежал, захлопнув за собой дверь камеры. В моём состоянии мне казалось, что я влюбляюсь в него. Только он мог спасти меня. Я потянулась к сигаретам и обнаружила, что фильтры были оторваны. Я всё равно закурила.

Каждый день я с тревогой ждала, когда «мой» охранник снова придёт ко мне. Он появился через несколько дней и сказал, что кто-то из посольства должен вскоре приехать. Он также сообщил, что оторвал фильтры, потому что иначе я могла бы обжечь окурком и превратить его в острый как бритва предмет.

Если бы могла, я бы так и сделала. Я сделала бы всё, чтобы выбраться оттуда — даже перерезала бы себе вены.

Я спросила, может ли он принести мне бумагу и карандаш, чтобы я могла делать записи для своего дневника. Он ушёл и вскоре вернулся с тем и другим. В знак благодарности я снова позволила ему ласкать мою грудь. Позже я спрятала написанное в карман джинсов.

На одиннадцатый день женщина-охранник, сложенная как танк, распахнула дверь камеры.

— К вам посетитель из посольства. Следуйте за мной.

Она вывела меня из камеры в душевые. Я приняла долгий, великолепный горячий душ, но, к сожалению, мне пришлось снова надеть свою грязную одежду. Затем меня отвели в небольшую комнату для переговоров с белыми стенами, окном и большим коричневым столом с тремя деревянными офисными стульями. Там ждал растрёпанный, нервного вида мужчина. Он представился Ричардом, австралийским консулом при посольстве, и сказал, что знает мою мать. Она была его преподавателем русского языка в Университете Нового Южного Уэльса.

— Нам искренне жаль, Людмила, — добавил он. — Этого никогда не должно было случиться. Мы не знали, что вы здесь. Нам потребовалось всё это время, чтобы выяснить это.

— Одиннадцать дней! — воскликнула я.

— Они должны были позволить вам позвонить в посольство, — продолжил он. — Отказав вам в этом одном звонке, они нарушили все международные протоколы. Это отражено в моём отчёте.

— А что ещё в вашем отчёте? — потребовала я, растрогавшись. — Как они заперли меня, как дикое животное, в крошечной, грязной, ледяной камере и получали удовольствие, наблюдая, как я хожу в туалет?

Я боялась, что меня снова отведут в камеру. Но он сообщил, что меня отправят рейсом «Аэрофлота» той же ночью, если будет свободное место.

— Вы лучше убедитесь, что я на этом самолёте, потому что обратно в тот ад я не вернусь. Я покончу с собой! — закричала я в истерике.

— Успокойтесь. Позвольте мне сделать один звонок.

Через тридцать минут Ричард подтвердил, что посольству удалось забронировать мне место.

Облегчение, которое я испытала, было огромным — пока в комнату не вошли майор Поповский и его люди из КГБ. Но на этот раз они пришли, чтобы сопроводить меня в аэропорт Шереметьево, и их отношение было совершенно иным. В машине майор достал бутылку

охлаждённой водки, налил в два стакана и протянул один мне. Я была весьма удивлена, но с благодарностью приняла его и залпом выпила успокаивающую жидкость.

— Людмила, вы очень русская, — заметил майор, глядя на меня.

— Да, я знаю. Меня воспитывали по-русски. Почему вы держали меня запертой так долго? Как вы могли так поступить с одной из своих?

— Дорогая моя, нам понадобилось столько времени, чтобы разыскать вашу одежду. Она была разбросана по всему городу, — ответил он, ухмыляясь.

Затем он сделал поразительное предложение.

— Послушайте меня, Людмила, вы могли бы остаться здесь, с нами. Я могу это устроить. Для вас уже подготовлена очень интересная работа. Конечно, вам придётся отказаться от австралийского паспорта, но вы сможете навещать свою семью когда захотите.

Я была заинтригована и даже немного польщена.

— Заманчиво, но нет, спасибо. Я хочу домой, — сказала я прямо.

Майор КГБ пожал плечами, выглядя разочарованным. Машина выехала прямо на лётное поле и остановилась рядом с самолётом, и майор сопровождал меня по трапу, всё время держа меня под руку.

— Я должен передать ваш паспорт и авиабилет пилоту — на случай, если вы решите выпрыгнуть из самолёта, — сказал он с лёгкой улыбкой. — Прощайте, Людмила, и удачи.

— Смогу ли я когда-нибудь вернуться? — спросила я из любопытства.

— Через семь лет, дорогая. КГБ хранит досье только семь лет, но даже тогда — при условии, что вы привезёте мне блок Marlboro Reds. Я буду на связи. Пока!

— Договорились, — сказала я и помахала на прощание.

Было ли в моём вопросе какое-то предчувствие? В тот момент я хотела только одного — вернуться домой, в Сидней.

И когда я снова оказалась в безопасности с семьёй в нашем доме на пляже Бронте, мне казалось, что я больше никогда не переступлю границы Австралии.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Возвращение в Россию

В марте 1985 года, чуть более чем через два года после окончания Университета Нового Южного Уэльса со степенью по естественным наукам, я основала Labstaff — первое в мире агентство по подбору научного персонала.

Мне нравилось владеть собственным бизнесом. Я очень недолго проработала в ведущей биотехнологической исследовательской компании, но чувствовала себя несчастной и скучающей. Просиживать весь день в белом лабораторном халате в душной лаборатории за жалкие 16 000 австралийских долларов в год было не тем, что я представляла себе как карьеру.

Идея Labstaff пришла ко мне, когда я наблюдала, как мой начальник, блестящий учёный, тратит время, просматривая сотни резюме в поисках талантливых сотрудников. Мой друг Томас Кио, богатый ирландский предприниматель, счёл идею Labstaff превосходной. Он поддержал меня финансово, а я вложила в новую компанию все свои сбережения. Томас не был привлекательным, но в обществе с ним было весело, и мы стали хорошими друзьями и деловыми партнёрами.

В начале 1986 года Томас продал свою половину Labstaff моей лучшей подруге Фрэн, которая до этого путешествовала по Европе с рюкзаком. При поддержке своей матери она стала моей партнёршей. Мы вдвоём превратили компанию в ошеломительный успех, открыв офисы по всей Австралии. В конечном итоге, в 1999 году, мы продали Labstaff за 1 миллион австралийских долларов.

Мы с Фрэн базировались в Сиднее и арендовали современное помещение в Бондай-Джанкшен, состоявшее из двух офисов — одного для меня, другого для неё — и приёмной, где сидела наша секретарь Джуди. Вид на город, простиравшийся до моста Харбор-Бридж и Оперного театра, был великолепен.

Однажды в нашу дверь постучал красивый продавец пенсионных страховых программ по имени Грег и попытался продать нам пенсионную схему. Для меня — импульсивной, как всегда — это была любовь с первого взгляда. Грег был загорелым, светловолосым, сексуальным и одетым в дизайнерский костюм. Он ездил на совершенно новом Land Cruiser и утверждал, что владеет компанией, в которой работает.

Мы поженились в сентябре 1989 года в новом пятизвёздочном курортном комплексе Kirkton Park в долине Хантер, в трёх часах езды от Сиднея. Курорт, окружённый холмистыми виноградными садами, располагался на семидесяти акрах газонов с ухоженными розариями и красивым трёхъярусным каменным фонтаном в центре. Номера были оформлены в роскошном винтажном загородном стиле. Это было волшебное место для пышной свадьбы.

Мы арендовали весь курорт и соблюли русскую традицию трёхдневной свадьбы: в пятницу вечером — официальная дегустация вин, в субботу вечером — сама свадьба, а в воскресенье — шампанское на бранче.

Наши гости, без сомнения, считали нас гламурной парой. Однако я уже знала в день свадьбы, что Грег не был тем успешным человеком, каким себя представлял. Во-первых, он был не просто без денег, а имел долг в 20 000 австралийских долларов. Он не владел компанией, в которой работал. Машина, на которой он ездил, принадлежала его начальнику.

Поскольку я безумно в него влюбилась, я погасила его долг, и мы переехали в мою квартиру на Бронте-Бич. Он Исаак не мог помочь оплатить нашу роскошную свадьбу, поэтому я заплатила и за неё.

Тем не менее мой новый муж не всегда был без денег. Большую часть взрослой жизни он провёл в Саудовской Аравии, зарабатывая большие деньги на нефтяных платформах, пока некие арабские «друзья» не обманули его на миллион долларов. По крайней мере, так он утверждал.

Именно Грег предложил изучить возможности, стремительно открывавшиеся в России Горбачёва. Он хотел снова быть при деньгах. Горбачёв опускал «железный занавес», демонтируя советское тоталитарное государство.

Одна мысль о возвращении в Россию пугала меня. Но я знала, что идея Грега была хорошей. Россия менялась при Горбачёве. Иностранцы стекались в Москву толпами, надеясь разбогатеть на совместных предприятиях — новом модном слове в российской столице.

Грег продолжал убеждать меня попробовать, и в конце концов добился своего. Я согласилась поехать в Москву на одну неделю в конце нашего медового месяца, который представлял собой первоклассное кругосветное путешествие. Разумеется, за него тоже заплатила я.

Мы начали с Санторини — вулканического острова в Эгейском море, принадлежащего Греции. Он был знаменит бело-голубыми зданиями, потрясающими закатами, пляжами с чёрным песком и романтической атмосферой. Затем мы полетели в Париж.

В Париже я отправила Фрэн открытку: «Привет из Парижа. Мне ужасно скучно. Жаль, что ты здесь не вместо Грега!»

Я уже начинала подозревать, что вышла замуж не за того человека. Мне надоело платить за всё, и у нас с новым мужем было очень мало общего — так же, как мама вскоре после свадьбы поняла это о своём отце. Грег не был начитанным, тогда как я обожала книги и интеллектуальные беседы, как и мама. История повторялась!

Я оживилась лишь тогда, когда мы приехали в Италию. Пейзажи, еда, вино (и итальянские мужчины!) мгновенно подняли мне настроение.

В начале декабря 1989 года мы покинули Рим, вылетели в Лондон, а затем сели на рейс «Аэрофлота» в Москву. Через три часа мы приземлились.

За иллюминатором бушевала метель, а толстый слой снега пригибал ветви длинной аллеи берёз, едва различимых в тусклом свете огней взлётной полосы. Был ранний день, но стояла кромешная тьма. Ожидая выхода из самолёта, я начала задыхаться от тревоги и заставляла себя глубоко дышать, чтобы успокоиться.

Нас провели по длинным коридорам к паспортному контролю. Я едва не подпрыгнула от испуга, когда кто-то внезапно похлопал меня по плечу.

— Гражданка, ваша очередь. Не задерживайте очередь, — пробормотал мужчина позади меня. У него была сероватая кожа и мешки под глазами — типичный советский вид. Мне стало его жаль.

С трепетом я подошла к стеклянной будке, сжимая паспорт. Сотрудник паспортного контроля долго смотрел на меня через стекло. Затем он с силой поставил штамп.

Значит, майор Борис Поповский не солгал. Моё прошлое было стёрто. Я была внутри.

Москва всё ещё выглядела старым серым коммунистическим городом, каким я помнила её с 1979 года. Те же длинные очереди людей стояли на морозе, надеясь что-то купить в почти пустых магазинах. Здания были грязными и запущенными. Весь город нуждался в покраске.

После регистрации в гостинице «Белград» — обветшалом небоскрёбе шестидесятих годов — я оставила Грегa распаковывать вещи и спустилась в холл, отчаянно желая того, что в России называлось кофе.

Вокруг меня русские открыто разговаривали с иностранцами — то, что в докоммунистическую эпоху было строго запрещено.

Я села у окна, и через несколько минут ко мне подошли двое привлекательных мужчин в стильных костюмах.

— Девушка, можно познакомиться? — сказал один из них.

— Нет, не очень, — ответила я.

Не обращая внимания на отказ, они представились: Иса и Арби. Они были чеченцами и, по их словам, обосновались в Москве, а гостиница «Белград» была их местом встреч.

Я объяснила, что нахожусь в Москве с мужем. Мы ищем деловую сделку, связанную с природными ресурсами.

— Либо золото, либо платина, — добавила я.

Иса и Арби улыбнулись и сказали, что, возможно, смогут помочь.

В тот вечер мы с Грегом ужинали с ними в ресторане гостиницы. К нам присоединились некоторые чеченские друзья Исы и Арби. В компании были две красивые русские женщины, которые, как я предположила, были проститутками. Нам достался лучший стол в зале — прямо перед сценой. Оркестр исполнял «западные» хиты — фаворитом публики была «Lambada» группы Каота, — а мы тем временем наслаждались щедрыми порциями чёрной икры, изысканным мясным ассорти, копчёной рыбой, салатом из краба, бифштексом, целой рыбой на гриле, котлетами по-киевски (панированная и обжаренная курица с растекающимся чесночным маслом внутри) и шашлыком — всё это запивалось коньяком, шампанским и водкой.

В какой-то момент, по просьбе Исы, оркестр исполнил специальную композицию для традиционного чеченского любовного танца, который разыграли прямо перед нами на танцполе. Мужчины — друзья Исы — выстроились в круг. С распростёртыми в стороны руками они двигались по кругу с яростными выражениями лиц, тяжело топая ногами. Вдруг в мужской круг, словно прекрасный лебедь, вплыла одинокая девушка. Мужчины начали кружить вокруг неё всё быстрее и быстрее, задыхаясь, постанывая и топая всё сильнее, пока наконец она не выбрала одного из них. Когда девушка плавно скользила вокруг своего избранника, он делал руками движения, будто лаская её тело и лицо, и на этом эротический ритуал завершался. Пара

исчезала под гром аплодисментов. Я никогда не забуду великолепие и красоту этого яростного, чувственного зрелища.

В оставшиеся дни нашей недели в Москве мы с Грегом каждый вечер проводили время с Исей и Арби в гостинице «Белград». Я знала, что обычные русские не могут позволить себе ужинать вне дома чаще одного раза в месяц — и уж точно не в таком роскошном стиле. Но мне нравилась компания наших новых чеченских друзей. Мне импонировала их страсть к жизни, хотя история Чечни и вспыльчивость её жителей заставляли задуматься. Я размышляла о том, как Иса и Арби будут существовать в новой России Горбачёва — и как будем существовать мы сами.

В нашу последнюю ночь в Москве Иса и Арби предложили нам деловую сделку, связанную с никелево-платиновым месторождением под названием «Норильский никель», расположенным к северу от Полярного круга. К счастью, в университете я изучала геологию как факультативный предмет, поэтому, когда они вручили мне пятьдесят страниц информации о руднике, я понимала, о чём читаю. Мы с Фрэн выбрали геологию из-за большого количества мужчин в группе. Наконец-то это принесло пользу!

Суть дела была следующей. Российское законодательство запрещало иностранцам добывать первичную руду. Иностранным компаниям разрешалось перерабатывать только вторичные отходы производства — так называемые хвосты. Однако у «Норильского никеля» были накоплены миллионы тонн хвостов, причём содержание платины в них превышало показатели большинства западных рудников, поскольку российское горнодобывающее оборудование было слишком старым и изношенным, чтобы обеспечивать высокий процент извлечения металла.

По словам Исы и Арби, совместное предприятие между «Норильским никелем» и иностранным инвестором — при котором русская сторона предоставляла бы хвосты, а иностранная — капитал и новое оборудование — потенциально могло стоить 500 миллионов долларов США. Арби клялся, что мы — первые иностранцы, которым предложили этот проект. Он также показал мне документ, дающий ему полномочия вести переговоры с иностранными инвесторами от имени «Норильского никеля». Он пообещал мне полную эксклюзивность сроком на шесть месяцев и сказал, что отправит копию протокола о намерениях по факсу (электронной почты тогда ещё не существовало).

Как мы с Грегом вскоре узнали, протокол о намерениях считался важнейшим документом в российской деловой практике, несмотря на то, что юридической силы он не имел. Формально он гарантировал конфиденциальность и эксклюзивность, чтобы стороны не вели переговоров с другими участниками, пока создаётся совместное предприятие — компания между российской и иностранной сторонами. Как только стороны принимали решение о создании совместного предприятия, протокол о намерениях торжественно подписывался, после чего следовали многочисленные тосты с коньяком и водкой.

В итоге, воодушевлённая и охваченная азартом, я торжественно пообещала вернуться в Россию с инвестором из Австралии.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Рождение Star

В Сиднее в январе 1990 года я наняла Кима Джейкобса, генерального директора Inteq Ltd., ипотечного брокера, специализировавшегося на привлечении инвесторов для коммерчески жизнеспособных проектов или передовых изобретений. Джейкобс, проницательный бизнесмен с острым умом, назвал «Норильский никель» сделкой века. Он немедленно договорился для себя о ежемесячном вознаграждении в 10 000 австралийских долларов, комиссии в

500 000 австралийских долларов и 5-процентной доле прибыли в проекте. Поскольку у меня не было другого выхода, я подписала с ним контракт.

Четыре месяца спустя он выполнил обещание. Существовал богатый австралийский международный предприниматель в горнодобывающей сфере, сказал он, который жил в Гонконге и хотел вести бизнес в России. Его звали Иэн МакНи.

Джейкобс организовал встречу в отеле Regent — пятизвёздочном отеле в Сиднее, где остановился Иэн. В то утро он прилетел из Мельбурна. Оказалось, что ему принадлежит огромное загородное поместье в Виктории под названием Ламбрук, расположенное на тридцати семи акрах садов, с величественным декоративным озером и каскадным водопадом, фруктовым садом, двумя бассейнами, спа и теннисным кортом, тремя каменными коттеджами и главным домом из песчаника с потрясающей оранжереей. В поместье также размещалась его коллекция из восьмидесяти винтажных автомобилей. У него были дома в Гонконге, Аспене и Лондоне. Но его почтовым адресом, шутили друзья, было «Место 2С на United Airlines», поскольку большую часть времени он проводил, летая первым классом по всему миру и заключая деловые сделки.

Я не представляла себе какого человека ожидала встретить. Как выглядит горнодобывающий магнат? Загорелый, как оказалось, с песочно-седыми волосами и поразительными голубыми глазами. На вид ему было около пятидесяти пяти.

С самого момента нашей встречи я была заворожена Иэном и немало поражена тем, насколько он был сдержан. Он был очевидно очень утончённым, но производил впечатление застенчивого и даже чопорного человека. Это был первый мультимиллионер, которого я встретила в жизни, — и он меня заинтриговал.

Иэн взял документы по «Норильскому никелю», которые я принесла, сказав, что изучит их за ночь, и предложил нам с Грегом присоединиться к нему на завтраке в Regent на следующее утро.

Мы, должно быть, выглядели нервными, когда пришли, потому что он сразу сказал, что ответ — да, — а затем добавил, что готов инвестировать 500 000 долларов США в разработку проекта по переработке хвостов «Норильского никеля».

— Я отправлю вас обоих обратно в Москву, чтобы открыть небольшой офис и работать над сделкой, — добавил он. — Я буду платить вам совместно две с половиной тысячи долларов США в месяц и предложу долю в проекте в качестве бонуса.

— А как же Inteq? — спросила я. — Они требуют огромную комиссию, ежемесячный платёж и долю прибыли, которые мы с Грегом не можем себе позволить.

— Они пираньи. Не волнуйтесь. Я с ними разберусь.

Я была в восторге и очень впечатлена тем, как быстро он принял решение. В тот же день Иэн улетел обратно в Гонконг, и 18 мая мы с Грегом получили письмо с подтверждением сделки:

«Я зарегистрирую компанию под названием Star Technology P/L (Star) на Британских Виргинских островах для ведения бизнеса в России», — писал Иэн.

Он объяснил, что его гонконгская компания Crusader Investments Ltd. будет владеть 80 процентами Star, а мы с Грегом — по 10 процентов каждый. Мы должны были как можно скорее отправиться в Гонконг, чтобы поработать с ним над бизнес-планами и денежными потоками Star. Затем мы должны были вылететь напрямую в Россию из Гонконга. Нам предоставлялись два билета бизнес-класса.

Три дня спустя мы с Грегом вылетели в Гонконг. Мой чемодан был набит одеждой и предметами первой необходимости, включая сухие продукты — лапшу быстрого приготовления и печенье. Я также упаковала туалетную бумагу и годовой запас противозачаточных таблеток, тампонов и дезодоранта. Подобные вещи были просто недоступны там, куда мы направлялись. Как я хорошо знала, русские пользовались в туалете старыми газетами, нарезанными квадра-

тами, а вместо дезодоранта — присыпкой. Женщины использовали вату или тряпки вместо гигиенических прокладок. Средства контрацепции практически отсутствовали. Фактически единственным способом контроля рождаемости был аборт, который чаще всего проводился самостоятельно.

Я также вооружилась именами двух московских контактов, которые дала мне мама. Один из них — Изюмов, убеждённый коммунист и редактор популярной «Литературной газеты». Он издал книжку маминых стихов.

Вторым контактом была шестидесятивосьмилетняя российская журналистка Катя Шевелёва. Она была известной поэтессой и когда-то работала личным переводчиком бывшего первого секретаря России Никиты Хрущёва, а возможно, как говорила мама, и его любовницей. Катя также дружила с Юрием Андроповым с детства. Андропов недолго возглавлял Россию, хотя был более известен как один из самых долгоправящих и внушающих страх председателей КГБ в её истории. У Кати по-прежнему были безупречные политические связи в Москве, где она примкнула к Ельцину и подружилась с его женой Наиной и дочерью Таней.

Мама познакомилась с ней, когда Катя приезжала в Австралию в 1984 году в составе делегации русских поэтов, и искала переводчиков для издания антологии австралийских поэтов на русском языке. Практичная мама посоветовала мне встретиться и с Изюмовым, и с Катей, поскольку гласность находилась ещё в зачаточном состоянии и Россия могла снова вернуться к коммунизму.

Когда мы с Грегом прилетели в Гонконг, Иэн ждал нас в аэропорту. В джинсах, белой рубашке-поло и тёмных очках он выглядел весьма элегантно. Он подвёл нас к своему белому Bentley и отвёз в один из старейших и лучших отелей Гонконга — Shangri La, где нам предстояло остановиться. После заселения он пригласил нас на обед, который устраивал на следующий день.

— Все мои люди со всего мира собрались в Гонконге, чтобы отчитаться о проделанной работе, так что вы познакомьтесь со всеми, — сказал он. — Адрес — 8 May Road, The Peak. Просто возьмите такси до дома.

The Peak был самым престижным районом Гонконга и славился потрясающим видом на гавань Виктория. Из нашего роскошного номера открывались панорамные виды и на гавань, и на город.

Иэн оставил нас открыть бутылку Moët, стоявшую в серебряном ведёрке на маленьком столике у окна. К бутылке была прикреплена записка: «Добро пожаловать в Гонконг — Иэн».

Я подумала: к такому можно привыкнуть.

Мы с Грегом приехали на обед первыми. Дверь открыла Бобби, жена Иэна. Ей было около сорока, с длинными светлыми волосами, красивыми ногами и милыми глазами, хотя её лицо было слишком загорелым. На ней была облегающая яркая мини-юбка и свободная белая рубашка. Она напоминала мне стареющую куклу Барби. Её взгляд был слегка холодным, когда она окинула меня с головы до ног.

На мне была новая шёлковая блузка и брюки, которые я купила тем же утром. Мои волосы были собраны сзади в хвост и переброшены через плечо так, что спадали по левой груди до талии.

— Вы, должно быть, Грег и Людмила, — сказала она с очень аристократичным акцентом. — Я Бобби.

— Очень приятно. Надеюсь, Россия окажется удачной для всех нас, — ответила я бодро.

— Да. Это определённо занимает у Иэна очень много времени.

Я решила проигнорировать это замечание и прошла в гостиную.

— Людмила, не могли бы вы снять обувь? — окликнула она меня вслед.

— Конечно, — ответила я, не оборачиваясь.

В этот момент в дверях появился Иэн — в плавках Speedo и футболке.

— Я не думал, что кто-то уже приехал, — сказал он с улыбкой.

Я удивилась, что в его возрасте у него такая хорошая фигура.

Позже я узнала, что Иэн познакомился с Бобби в модном баре на набережной в Сиднее, где она работала управляющей. В то время у неё не было аристократичного акцента. Иэн зашёл туда выпить со своим лучшим другом Грэмом Эллисом. Они поспорили на бутылку Мёет, кто первым уложит Бобби в постель. Иэн выиграл.

В то время Иэн всё ещё был женат на своей первой жене Джен. Но вскоре он оставил её и в конце концов стал жить с Бобби в арендованном доме в восточном пригороде Сиднея. Через восемь лет Бобби поставила ему ультиматум:

— Женись на мне, или я уйду.

Она добилась своего. Их сын Ангус родился в 1982 году.

Крис — старший сын Иэна от первого брака, с которым я познакомлюсь много позже в Москве, — так и не простил отцу, что тот оставил его мать ради «более молодой и более светловолосой версии», и никогда не установил близких отношений с Ангусом. Вероятно, этому способствовала и двадцатитрёхлетняя разница в возрасте.

Когда Ангусу исполнилось пять лет, Иэн перевёз семью в Гонконг. Бобби обожала устраивать приёмы для их богатых друзей высшего общества в их великолепном доме на The Peak.

На обеде, на который мы были приглашены, все сидели за столом из тёмно-изумрудного мрамора в комнате, украшенной бесценными антикварными китайскими вазами и скульптурами. «Люди» Иэна по очереди отчитывались перед ним о международных горнодобывающих и торговых проектах, над которыми работали — главным образом в Канаде, Азии и Южной Америке.

Я тихо поклялась себе, что однажды Иэн будет хвалить меня за этим же столом за мои успехи в России.

На следующий день мы все отправились на яхте Иэна — старинной китайской джонке с кухней и баром, способной вместить двести человек. Мы пили Dom Pérignon и наблюдали за гонками каноэ в гавани Гонконга. Вечером мы пошли на концерт Джеймса Моррисона в местный джаз-клуб. Джеймс был всемирно известным трубачом, которого Иэн финансировал в начале его карьеры, и талантливый музыкант был близким другом семьи.

Остаток недели мы провели в офисах Crusader Investments Ltd., компании Иэна, которая оказалась гонконгским подразделением группы Lee Ming Allied. В 1990 году группа Ли оценивалась в 129 миллионов долларов США и контролировала пять публичных компаний общей стоимостью 1,3 миллиарда долларов. Сам Ли Мин был магнатом малайзийского происхождения. Однако, как я узнаю гораздо позже, он был довольно загадочной фигурой. По сообщениям прессы, до своих «магнатских» времён в Малайзии о нём никто не слышал. Несколько лет спустя Ли будет заключён под стражу властями Гонконга по неразглашённым причинам.

Иэн был директором группы Lee Ming и Crusader, 38 процентов которой принадлежали мистеру Ли, а 62 процента — Иэну и другим гонконгским инвесторам через цепочку офшорных компаний. Он говорил нам, что его партнёры — все богатые гонконгские бизнесмены. Он утверждал, что Crusader привлекла 90 миллионов австралийских долларов для аллювиального проекта в Бразилии и имеет возможность финансировать российский проект.

Мы с Греггом познакомились со всеми, включая мистера Ли, за обедом в элитном китайском ресторане. Я вскоре заметила, что они не проявляют такого энтузиазма по поводу России, как Иэн. Один из них сказал мне, что они хотят быстрой сделки на границе. Хвосты «Норильского никеля» можно перерабатывать на плавильном заводе в Китае. Тогда я не увидела в этом

ничего необычного, хотя и беспокоилась о возможности быстрой сделки в России. Россия всё ещё была коммунистической страной, и для заключения сделки необходимо было выстроить прочные связи.

29 мая 1990 года мне исполнилось тридцать. В честь этого Иэн повёл нас в Peking Gardens — один из самых известных ресторанов Гонконга, знаменитый своей уткой по-пекински, моим любимым китайским блюдом. Шампанское Мёет и ужин были великолепны. На следующий день, улетаая из Гонконга в Москву вместе с Греггом, я была более чем слегка влюблена в Иэна.

Я знала, что Арби будет ждать нас в московском аэропорту. Всё это время он так и не предоставил крайне важный протокол о намерениях. Однако по телефону он поклялся мне, что документ будет у него на руках, когда мы прибудем.

Он действительно был в аэропорту — но без протокола.

— Не волнуйся, у нас будет протокол! Клянусь могилой моей матери! Он будет! — воскликнул он.

— Когда это произойдёт? — спросила я.

— Завтра, клянусь!

Мы с Греггом остановились в гостинице «Украина», пока не найдём квартиру. Отель был одной из «Семи сестёр» — знаменитых сталинских высоток, также известных как «свадебные торты» из-за их ярусной конструкции.

Большинство московских гостиниц были дорогими и старомодными, с мрачными валютными барами и огромными неприветливыми ресторанами, где официанты принимали бронирования только после взятки. Отели едва тянули на две звезды, но иностранцам выставляли пятизвёздочные цены. Стоимость номеров устанавливалась в рублях, что было дешево для русских, но чрезвычайно дорого для иностранцев из-за искусственного курса 0,6 рубля за 1 доллар США.

Наш номер в гостинице «Украина» был маленьким. В нём стояли две односпальные кровати с ярко-оранжевыми покрывалами, письменный стол и очень старый чёрно-белый телевизор. Единственным утешением был потрясающий вид на Москву-реку и городской силуэт, включая здание российского парламента, известное как «Белый дом».

Это красивое здание в стиле ар-деко, облицованное белым мрамором, является одним из важнейших зданий Москвы. В то время его венчала башня с большими золотыми часами и советским флагом — сплошным красным полотнищем с золотым серпом и молотом в левом верхнем углу. По бокам крылья здания украшал ряд высоких узких окон, стоящих, словно часовые.

Разумеется, вскоре Ельцин распустит Советский Союз, флаг будет заменён старым имперским триколором — бело-сине-красным — а часы сменит герб России с двуглавым орлом, символизирующим суверенитет Российской Федерации.

Мы переоделись и сразу отправились через дорогу в гостиницу «Белград» на ужин. Старая чеченская компания уже ждала нас. Ждали и шампанское с чёрной икрой.

Ночь за ночью мы праздновали с ними, ожидая протокола Арби.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Катя приходит на помощь

Наступил июль, и мы с Греггом решили снять квартиру. Жизнь на чемоданах в крошечном гостиничном номере вместе с мужем начала по-настоящему угнетать меня, и я обрадовалась, когда мы нашли однокомнатную квартиру с антикварной мебелью, принадлежавшую популярной детской писательнице. В квартире была объединённая столовая и гостиная с большим круглым столом из красного дерева; просторная спальня; маленькая, узкая кухня старого

образца с салатово-зелёными стенами; и ванная комната с крупной жёлтой плиткой и совмещённой ванной с душем. Для безопасности и чтобы удерживать холод, входная дверь была двойной, обитой чёрной кожей с серебряными заклёпками, с двумя врезными замками и дверной цепочкой.

Это стоило 200 долларов США в месяц. Поистине редкая находка в городе с огромным жилищным кризисом. Квартира также стала офисом Star. Адрес был: Смоленская площадь, 13/21 — район в центре Москвы, обсаженный деревьями и в пяти минутах ходьбы от Белого дома.

В одни выходные Арби и Иса пришли к нам с большим чемоданом. Они спросили, могут ли оставить его у нас на некоторое время.

— Без проблем. Что там? — поинтересовались мы с Грегом.

— Просто деньги, — ответили они.

На следующий день они вернулись. Иса открыл чемодан. Он был набит пачками зелёных долларов. У меня глаза едва не вылезли из орбит.

— Это ваши деньги? — спросила я недоверчиво.

— Нет. Нам нужно съездить в Грозный, столицу нашей страны, и передать их нашим партнёрам. Мы продали несколько внедорожников, и это оплата. Эй, почему бы вам не поехать с нами?

— А как же визы? — возразила я.

— Забудь о визах. На пограничных пунктах вам просто придётся присесть на пол машины. Всё будет нормально, — заверил он.

Это большое приключение было слишком захватывающим, чтобы отказаться, и мы согласились.

На следующее утро мы выехали на их новеньком внедорожнике Toyota. Когда мы приблизились к границе Чечни, Иса жестом велел нам пригнуться, и мы послушно присели на пол заднего сиденья, затаив дыхание. Иса говорил с пограничниками на своём родном языке и передал им пачку зелёных долларов США. Они улыбнулись и махнули нам, чтобы мы проезжали. Мы выпрямились, и облегчение растворило мой страх.

Через несколько часов мы прибыли в Грозный — старый мусульманский город, полный величественных мечетей, вперемешку с унылыми, уродливыми зданиями советского типа. Улицы были заполнены женщинами, закутанными в чёрное с головы до пят, и мужчинами с яркими «чайными полотенцами» на головах.

Мы остановились в доме Арби — большом отдельно стоящем кирпичном особняке, где привели себя в порядок и были приглашены на ужин с толпой мужских родственников Арби и Исей. Одетая в джинсы и свитер, я была единственной женщиной за массивным дубовым столом, курила и пила вино, что, казалось, воспринималось как нечто допустимое. Все жёны и дети теснились за крошечным столиком на кухне, поскольку им не позволялось ужинать вместе с мужчинами. Они были одеты в головные уборы и длинные чёрные платья до пола, болтали, смеялись, ели и готовили и выглядели совершенно счастливыми.

Пир состоял из множества чеченских блюд, включая харчо — горячий и острый говяжий суп, подаваемый с сырной лепёшкой; пельмени с мясом, картофелем и грибами; и шашлык из баранины с ароматным соусом из перца, помидоров, моркови, яблок и чеснока.

Два дня спустя мы ехали вдоль впечатляющих, гигантских, покрытых снегом Кавказских гор, уходящих высоко в массы лёгких белых облаков. У подножия некоторых из них извивались ледяные озёра. Мы остановились в небольшой рыбацкой деревне на Каспийском море, и Арби купил у одного из рыбаков крупную свежую самку осетра. Он разрезал ей брюхо большим ножом и вычерпал чёрную икру, отправив этот удивительный деликатес прямо с лезвия ножа мне в рот.

Поездка была чрезвычайно опасной, особенно учитывая моё заключение десять лет назад за нарушение визового режима, что до сих пор было выжжено в моей памяти. Но, к счастью, наше возвращение оказалось столь же успешным, как и путь туда, и в начале октября мы благополучно добрались до Москвы, не будучи остановленными, арестованными или заключёнными в тюрьму.

... Всё это время ожидая неуволнимый протокол по «Норильскому никелю».

Наконец, у меня лопнуло терпение, и я прижала Арби к стенке. Он признался, что московский представитель «Норильского никеля» требует выплату в размере 30 000 долларов США.

— Я не собираюсь платить этому ублюдку! — добавил он.

Это, безусловно, объясняло задержку. Я сказала Арби дать мне номер телефона этого представителя. Потребовалось несколько попыток, чтобы дозвониться до него, но наконец он подошёл к телефону.

— Что вам нужно? — рявкнул он.

— У меня есть сделка с вами и Арби по переработке ваших хвостов, и я звоню, чтобы договориться о встрече для подписания протокола, — ответила я.

— Я уже подписал сотни протоколов с иностранными горнодобывающими компаниями на переработку хвостов. Но мы решили оставить хвосты себе. До свидания.

Связь оборвалась. Я была ошеломлена. Я убедила Иэна вложить полмиллиона долларов в проект «Норильский никель», утверждая, что он у меня в руках, — и теперь казалось, что нас полностью обманули.

После того как бесстрашный Арби ушёл, я позвонила матери. Она сказала, что Арби и Иса явно чеченская мафия, и велела мне обратиться к Кате со всей историей. Я немедленно позвонила Кате, с которой всё ещё не была знакома лично, и она любезно пригласила нас с Грегом к себе на чай тем же вечером.

Женщина, которая через несколько часов открыла дверь своей небольшой старомодной квартиры и пожала нам руки, остаётся для меня загадкой — такой же, как и её страна: непостижимой, противоречивой, чарующей и таинственной.

Шестьдесят восемь лет, невысокая и стройная, с редкими волосами, окрашенными в цвет красного дерева, и тёмными глазами, которые бегали из стороны в сторону, пока она кокетливо комментировала привлекательную внешность моего мужа, — мы с Катей сразу прониклись друг к другу. Она стала важной частью моей жизни, хотя за всё время, проведённое вместе в последующие годы, так и не сказала мне, действительно ли она шпионила в пользу России. Когда более чем через десять лет я узнала её истинную роль, я была потрясена.

Обеденный стол Кати, за который мы сели, был завален книгами и бумагами. В сущности, вся её квартира напоминала небольшую библиотеку. Вскоре стало очевидно, что ум у неё острый, как карандаш; она рассказывала захватывающие истории о прошлом и в какой-то момент достала фотографию, на которой четырёхлетняя она держит за руку пятилетнего будущего председателя КГБ Андропова.

— Мой первый бойфренд! — заявила она.

После того как Андропов возглавил КГБ, он переселил Катю в огромную квартиру на первом этаже в Кремле.

— Я помогала ему с поэзией. Он был хорошим человеком, а не тем кровожадным чудовищем, каким его представлял мир, — твёрдо сказала она, а затем добавила: — Однажды я сопровождала Хрущёва в поездке в Индию в качестве его личного переводчицы. Он напился перед тем, как обратиться к народу Индии, и мне пришлось изменить его речь при переводе. Позже он меня отчитал, но в итоге мы поцеловались.

О Горбачёве Катя отзывалась гораздо менее благосклонно, считая его бесхребетным пустышкой. Сначала она его поддерживала, но затем решила, что он двуличен. Страна, сказала она нам, находится в состоянии острого кризиса, а люди деморализованы.

— Прогнозы Горбачёва на 1991 год совершенно нереалистичны, а государственный бюджет — чистая фикция, — резко сказала она. — Это приведёт к резкому росту цен, особенно на продукты питания.

Горбачёв инициировал гласность и перестройку — «открытость» и «перестройку» соответственно, — потому что понимал, что стране необходимы радикальные экономические реформы и новая социальная и политическая система. Но поскольку он и его ближайшие соратники оставались марксистами, ничего не изменилось, продолжала Катя.

— Ранее в этом году его вынудили вступить в союз с Борисом Ельциным и его командой экономистов, которые наконец подготовят нас к переходу страны к рыночной экономике. Что касается меня, Горбачёв кончен. Я уверена, он предаст Ельцина. Я хорошо знаю Ельцина и очень близко дружу с его женой и Таней, его младшей дочерью. Я регулярно ужинаю с Таней. Мы строим планы, как свергнуть Горбачёва! Ельцин может быть нынешним председателем российского парламента, но ему суждено стать первым демократическим президентом России.

В конце концов мы перешли к теме «Норильского никеля» и чеченцев. Именно тогда я упомянула имя моего нового делового партнёра, Иэна Макни. Глаза Кати загорелись. Она сказала, что найдёт для меня гораздо более выгодную сделку, а затем внезапно объявила:

— Хорошо, вот что мы сделаем. Пусть Иэн приедет в Москву, и я отведу вас обоих к Ельцину.

— Ты моя спасительница! — воскликнула я, обнимая эту удивительную женщину.

Неудивительно, что я была в эйфории. Встреча с Ельциным! Я не могла дождаться, чтобы рассказать об этом Иэну.

Однако я не проигнорировала совет матери. На следующий день я связалась с Изумовым — другим маминым контактом в Москве. Он высоко отзывался о моей матери и пригласил меня к себе на ужин тем же вечером. Я пошла без Грега; он не говорил по-русски, и необходимость переводить каждое слово замедляла меня.

Квартира Изумова была в три раза больше Катиной и по сравнению с ней выглядела роскошной. Сам Изумов был высоким мужчиной с густой копной белых волос и тёплыми, улыбающимися глазами. Он тоже считал Горбачёва предателем, хотя и по другим причинам, чем Катя. Горбачёв, по его словам, кончен, и следующим лидером России станет Геннадий Жюганов, лидер Коммунистической партии. При необходимости он мог бы нас познакомить. Когда я рассказала Изумову, чем занимаюсь в Москве, он сказал:

— Вам нужно пойти в Главзолото — главное управление золотодобычи в Советском Союзе. Поговорите с Владимиром; он отвечает за работу с иностранцами.

Я немедленно позвонила в Главзолото, объяснив, что мой хороший друг Изумов посоветовал мне связаться с ними. Через несколько минут к телефону подошёл мужчина и представился Владимиром, главным экономистом. Он назначил мне встречу на следующий день.

Одним из основных активов компании Иэна Crusader Investments был «аурофон» — установка, состоящая из двух больших центрифуг, которые с поразительной эффективностью извлекали мелкое золото из хвостов руды. Российские горняки, используя простые шлюзовые установки (гравитационные концентраторы) для извлечения золота, теряли целых 60 процентов, поскольку золото было слишком мелким. Это мелкое золото без всяких церемоний сбрасывалось в огромные отвалы хвостов на рудниках. Среднее содержание золота в этих «отходах» превышало три грамма на тонну — на уровне многих мировых месторождений. Три орокона, подключённые к шлюзовой коробке (длинному узкому «ящику» с проточной водой, отделяющему золотосодержащую руду от гравия) и к выщелачивающей установке (химическому заводу по извлечению золота из руды), позволяли увеличить извлечение золота в Рос-

сии с 60 до 90 процентов — феноменальный результат. Изобретатель орокона, доктор Джон Томас, был одним из горных инженеров Иэна, а Иэн владел правами на продажу «аурокона» по всему миру.

Владимир был типичным славянином — высоким, загорелым, светловолосым и голубоглазым. В течение следующей недели мы с ним вырабатывали соглашение между Star и Главзолото по переработке золотых хвостов по всей России, и везде картина была одинаковой: на каждом руднике имелись миллионы тонн хвостов с содержанием золота, равным или превышающим показатели большинства западных золотых шахт. Эти рудники, называемые объединениями, принадлежали государству, но были предназначены для приватизации.

В рамках сделки с Владимиром я заявила, что Star предоставит финансирование и наши ороконы для проекта.

Владимиру нравилось, что я русская, а компания Star — из Австралии.

— Мы не любим и не доверяем амерИсанцам, — сказал он. — А вас мы любим и вам доверяем. Теперь мы хотели бы встретиться с президентом вашей компании.

Наконец-то дверь открылась. Моё облегчение было огромным. Перед нами стояло законное предложение по переработке всех золотых хвостов в России — и в довершение ко всему у меня было обещание встречи с Ельциным. Самое главное — я не подвела Иэна.

1 декабря 1990 года Иэн прилетел в Москву в сопровождении доктора Брайса Вуда, опытного и известного геолога. Встреча в Главзолоте состоялась на следующий день, и протокол о переработке золотых хвостов России совместно со Star был подписан и отпразднован водкой и коньяком.

Затем я отвела Иэна к Кате домой и познакомила их. Катя мгновенно влюбилась в Иэна, и он был не менее очарован ею.

Через несколько дней она позвонила мне.

— Вы должны встретиться с Полтораниным до встречи с Ельциным, — объявила она. — Полторанин — министр информации и средств массовой информации и лучший друг Ельцина. Сначала он должен вас одобрить. Если вы ему понравитесь, он организует встречу с Ельциным. Мы пригласим Полторанина на ужин.

Ужин, организованный Катей, состоялся в отдельном зале элитного Дома писателей на Поварской улице. Это было по-настоящему легендарное место. В 1960-х годах там существовал знаменитый буфет à la carte для писателей с жёстким допуском, куда собирались только самые известные советские литераторы — от Евтушенко до Солженицына, включая Катю. До революции 1917 года здание было особняком богатой аристократической московской семьи, а его деревянный интерьер впоследствии полностью восстановили в первоначальном стиле — с великолепно украшенными стенами и дверями, высокими потолками, полированными полами и высокими витражными окнами. Залы были обставлены мебелью в имперском стиле, украшены бесценными картинами, люстрами, персидскими коврами и тремя богато отделанными каминами.

Михаил Полторанин — коренастый мужчина с крупным лицом, покрытым следами от угрей, с маленькими глазами и причёской «маллет». Он был одет в старомодный коричневый костюм, выглядевший так, словно его носили слишком часто. Но он был жизнерадостным и обладал язвительным чувством юмора. Я легко могла представить его и Ельцина за многими совместными рюмками водки.

Ужин прошёл с большим успехом, и в конце вечера Полторанин пообещал познакомить нас с Ельциным. Сдержав слово, он организовал встречу на пятницу, 5 декабря, в 9:30 утра в Белом доме.

Накануне вечером мы ужинали у Кати, чтобы подготовиться. После ужина она позвонила Ельцину при нас. Ельцин извиняющимся тоном попытался перенести встречу на следующую

неделю из-за внеочередного заседания парламента, которое должно было затянуться до пятницы.

— Если ты не примешь их завтра, я отведу их к Горбачёву! Ты меня слышишь? — закричала грозная Катя.

К нашему изумлению, мы услышали в трубке гулкий голос Ельцина:

— Хорошо, хорошо. Я приму их завтра.

Когда на следующее утро в 9:20 мы вошли в Белый дом вместе с Катей, я не могла поверить, что это происходит на самом деле. Иэн выглядел как настоящий мультимиллионер — в чёрном костюме Armani, белой рубашке и бордовом галстуке. На Кате был чёрный жакет и юбка со светло-голубой блузкой. Я выбрала коричневый шерстяной костюм Chanel с шёлковой оранжевой блузкой и высокими коричневыми кожаными сапогами. Мои волосы были подстрижены и завиты в модном стиле 1990-х — масса кудрявых светлых локонов спадала до плеч. Глаза подчёркивали тёмно-коричневые тени, а губы — моя фирменная красная помада.

Нас встретил один из помощников Ельцина, за которым мы прошли по длинному узкому коридору с паркетным полом к его кабинету. Мы просидели десять минут перед огромными двойными дубовыми дверями. Затем помощник открыл дверь и пригласил нас войти.

Ельцин стоял перед своим столом в элегантном тёмно-синем костюме, накрахмаленной белой рубашке и полосатом тёмно-синем галстуке. Он был гораздо выше, чем я ожидала, и обладал харизмой, присущей многим влиятельным мужчинам. Его характерные белые волосы и широкая улыбка делали его очень доступным, и я увидела, как легко такой человек может покорить сердца российского народа.

Мы представились. Ельцин кивнул и жестом пригласил нас к длинному столу для совещаний.

— Чем я могу вам помочь? — спросил он насыщенным, звучным голосом, когда мы все сели.

Катя переводила, пока Иэн объяснял, что мы хотим инвестировать в российскую горнодобывающую промышленность, главным образом в золотую руду и хвосты. До этого, добавил он, мы встречались только с Главзолотом.

Ельцин спросил, каков годовой оборот Иэна, на что Катя невозмутимо ответила, что он превышает один миллиард долларов.

Ельцин прищурился. А затем сделал нам поразительное предложение.

— Вы теряете время с Главзолотом, — сказал он. — У меня есть для вас предложение. Мне нужна кредитная линия на один–два миллиарда долларов США. Если вы сможете её предоставить, я гарантирую этот кредит золотыми месторождениями в любой точке России. Сегодня золото контролирует Главзолото, но скоро, очень скоро, его буду контролировать я! Всё золото России будет в моих руках! — произнёс он, ударив кулаком по столу.

Это было захватывающее выступление. Ельцин ясно давал понять, что и Горбачёв, и коммунизм фактически обречены.

Я поняла, что он воспринимает Иэна как миллиардера — вроде Билла Гейтса или Джорджа Сороса. Иэн, безусловно, не дал ему повода думать иначе.

— Да, я постараюсь организовать для вас средства, — ответил Иэн, добавив, что Star хотела бы внедрить в России собственную технологию для переработки золотых хвостов.

Ельцин снова кивнул и сказал, что поддерживает иностранные инвестиции.

— Минеральные ресурсы России столь обширны, что способны влиять на мировые сырьевые рынки. Но вся наша горнодобывающая промышленность находится в руинах из-за устаревшего оборудования, и, кроме того, мы не можем коммерциализировать новые технологии, разрабатываемые в наших блестящих научно-исследовательских институтах. Единственное краткосрочное решение — создание совместных предприятий с иностранными компаниями.

— Мой совет вам таков, — продолжил он. — Посетите золотые рудники Сибири, и если найдёте там кого-то, кто захочет работать с вами, возвращайтесь ко мне — и я вас поддержу!

Мы завершили эту историческую двадцатиминутную встречу общей фотографией с Ельциным.

После этого я начала планировать поездку по Сибири с благословением человека, которому суждено было стать первым президентом России.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Путешествие в Бодайбо

В начале 1991 года Ельцин начал открывать российскую золотодобывающую отрасль для иностранцев, позволив мне свободно ездить в сибирские районы добычи золота. В этот новый золотой ландшафт Ельцин включил ранее «секретные» города Свердловск (бывший Екатеринбург, названный в честь Екатерины Великой и родина моих предков), Иркутск и Норильск. Все сделки по добыче золота должны были утверждаться им прежде, чем их одобрит Главзолото. Кроме того, каждое предложение должно было включать соглашение о продаже золота государству по цене чуть ниже мировой. Это стало огромным облегчением, поскольку раньше цена, выплачиваемая золотодобытчикам, составляла лишь малую долю мировой.

Я снова пошла к Владимиру, главному экономисту Главзолота. Он рассказал мне о горнодобывающей компании под названием Ассоциация «Лензолото». «Лензолото» находилось в Иркутской области, на дальнем востоке Сибири, недалеко от города Бодайбо, к северо-востоку от озера Байкал. Своё название компания получила от реки Лены, где россыпное золото добывалось более века. Более того, с 1906 по 1928 год эти россыпи разрабатывала англо-русская совместная компания Lena Goldfields Co. Ltd., акции которой котируются на Лондонской фондовой бирже, однако Сталин выгнал всех иностранцев из России через четыре года после того, как стал советским лидером. Я надеялась, что история не повторится.

Владимир продолжил:

— Золото там мелкодисперсное, и уже накоплены миллионы тонн золотых хвостов. Вареников, директор «Рассвета», одной из артелей «Лензолото», будет в Москве через три недели. Мы встретимся с ним.

— Что такое артели? — спросила я.

— Это независимые подрядчики, старатели россыпного золота, которые продают его «Лензолото» по фиксированной цене, — ответил Владимир.

4 февраля 1991 года я получила факс от Иэна. Он был обеспокоен политической ситуацией в России. Несмотря на то что и Ельцин, и Горбачёв заявляли о твёрдой поддержке иностранных совместных предприятий и инвестиций, Горбачёв начал уступать старым жёстким коммунистам, выступавшим против реформ — именно так, как и предсказывала Катя. Горбачёв боялся потерять власть.

Из-за всё более туманной и непредсказуемой политической обстановки, объяснял Иэн в своём факсе, ему не удалось организовать для Ельцина кредит на 2 миллиарда долларов. Он закончил вопросом: «Как обстоят дела с продовольствием?»

Я ответила: «С продовольствием плохо, хотя строится всё больше иностранных супермаркетов, магазинов и гостиниц».

Втайне я очень беспокоилась, что пустое обещание Иэна Ельцину было безответственным и могло обернуться против нас. Я ещё не понимала, что встреча с Ельциным дала мне первое представление о том, как действует Иэн. Он раздавал чрезмерные обещания и сулил людям огромные суммы денег, вероятно, искренне веря, что сможет их предоставить. Так он контролировал окружающих. Он играл на человеческой жадности, и в краткосрочной перспек-

тиве это работало. Если бы я знала, насколько неприятными станут события в будущем, я бы испугалась гораздо сильнее.

27 февраля Вареников, директор артели «Рассвет», пришёл к нам в квартиру. Это был суровый горняк, загорелый под сибирским солнцем, с угрюмыми глазами и с брюшком. Он признался, что является выздоравливающим алкоголиком. Он сказал, что у «Лензолото» накоплено около пяти миллионов тонн хвостов и что нам следует создать совместное предприятие для их переработки.

— Я привезу образцы и данные, — пообещал он.

Я рассказала ему об оурококе, и он сразу заинтересовался. Он сказал, что вернётся в Москву 18 марта для новой встречи.

Ещё более интригующим было то, что Вареников упомянул крупное золотое месторождение, которое, по его словам, являлось государственной тайной, но вскоре будет «открыто» для иностранных инвестиций. Больше он ничего не добавил — и на следующей встрече о загадочном месторождении не упомянул. На второй встрече он лишь сказал, что генеральный директор «Лензолото» Авлов одобрил наше совместное предприятие по переработке хвостов с использованием оурокона.

Иэн начал планировать отправку одного из своих оуроконов с россыпного проекта в бразильских джунглях. Однако изобретатель беспокоился о защите патента. Доктор Джон Томас прислал мне факс, в котором писал, что русские и китайцы печально известны копированием западных технологий, и просил более подробную информацию о месторождениях «Лензолото».

Я сказала Иэну, что получить такую информацию смогу только лично, поехав в Бодайбо и встретившись с представителями «Лензолото». Он согласился — и к апрелю Главзолото организовало поездку. Владимир, который теперь тайно работал на Star, поехал со мной. Мы предложили ему работу, фактически став его спонсорами для получения австралийского вида на жительство. Мы уже понимали механизмы взаимных услуг при ведении бизнеса в России.

7 апреля 1991 года мы с Владимиром вылетели в Иркутскую область, оставив Грега в Москве. Я взяла с собой много коньяка и еды, поскольку мы летели «Аэрофлотом», не славившимся сервисом на борту и печально известными частыми катастрофами из-за плохого технического обслуживания, обычно со смертельным исходом для всех на борту. Я старалась отогнать эту мысль.

Полет длился пять часов. Иркутск, столица региона, оказался очень чистым городом с красивыми белыми памятниками, зелёными парками и широкой сверкающей рекой, всё ещё скованной льдом. Мы переночевали в гостинице «Лензолото» — очень скромной, однозвёздочной, с крошечными комнатами, неудобными кроватями и без горячей воды. Однако на первом этаже была небольшая столовая с простым завтраком, обедом и ужином.

Рано утром мы сели в старый винтовой самолёт и вылетели в Бодайбо, расположенный в 1438 километрах к северо-востоку от Иркутска. Шум двигателя вызвал у меня мигрень. Я была благодарна, когда сорок минут спустя мы приземлились.

Бодайбо оказался очаровательной деревушкой, спрятанной среди заснеженных гор. Было красиво, но очень холодно — минус пятнадцать градусов. Вареников встретил нас у самолёта. Мы обнялись как старые друзья, и он отвёз нас в деревянный гостевой домик с двухъярусными кроватями, горячей водой (редкость для Сибири), гостиной с камином, кухней и — к моей огромной радости — замечательной русской баней.

Ужинали мы в штабе Вареникова. Мы сидели за длинным деревянным столом вместе с артельщиками. Это были отличные русские парни, и мне очень нравилось их общество. Весь вечер напоминал мне мамины ужины с её русскими друзьями — бесконечные тосты, еда, питьё, дым сигарет, смех и песни.

Через пару дней я наконец встретила с Авловым, генеральным директором и большим начальником «Лензолото», который управлял Бодайбо так, словно город принадлежал ему. Это был крупный, внушительный мужчина, поразительно похожий на Джека Николсона. Его тёмные жирные волосы были зачёсаны назад, открывая высокий лоб и характерную линию роста волос. V-образные брови обрамляли карие глаза, а губы были тонкими, сердцевидной формы.

Мы сразу нашли общий язык. Со временем Авлов рассказал, что много лет назад был влюблён в девушку по имени Людмила. Но он был женат, и их роман закончился трагически — Людмила покончила с собой. Я, добавил он, выгляжу точь-в-точь как она. Будто его Людмила вернулась к нему. Я проигнорировала его похотливый взгляд.

Мы с Владимиром провели в Бодайбо неделю, прежде чем наступил великий момент: мы с Авловым подписали протокол о создании совместного предприятия по переработке золотых хвостов «Лензолото» с использованием оурукона.

В тот вечер мы праздновали в штабе артели — пятнадцать мужчин и я! Снаружи температура упала до минус сорока, и снежная буря завывала в темноте. В какой-то момент Вареников снова заговорил о секретном месторождении, о котором впервые упомянул в Москве. Это было очень крупное рудное месторождение, сказал он. Прямо здесь, в Бодайбо.

— У нас нет средств, чтобы его разрабатывать, — продолжил он. — Придётся привлекать иностранные инвестиции, когда изменится закон. Думаете, Star заинтересуется?

Он говорил почти шёпотом. Я не понимала всей таинственности, лишь знала, что месторождение значится в Указе о государственных тайнах. Как позже объяснил Владимир, это означало, что оно классифицировано как государственная тайна особой важности. Нарушение режима секретности считалось изменой и каралось пожизненным заключением или смертной казнью.

Я была зачарована.

На следующее утро, когда мы оба были трезвы, я расспросила Владимира о секретном месторождении. Он признал его существование, но, к моему раздражению, ничего больше не добавил, хотя пообещал организовать встречу в Главзолоте для обсуждения. Затем он ошеломил меня, сказав, что Главзолото имеет право снять гриф секретности с месторождения.

В наше последнее утро в Бодайбо мы позавтракали остатками ужина, запивая их коньяком — хорошая сибирская традиция, — прежде чем отправиться в аэропорт. Перелёт на переполненном самолёте, в котором были даже куры и собака, трясло всю дорогу до Иркутска. Я вздохнула с облегчением, когда мы приземлились.

Следующий этап пути в Москву длился более пяти часов, поэтому мы снова запаслись коньяком и едой в аэропорту. Через четыре с половиной часа полёта, уже в расслабленном от коньяка настроении, мы начали говорить о любви, сексе и браке, и о том, что русским мужчинам будто бы положено иметь любовницу. В тот момент, когда Владимир смотрел мне в глаза, сзади раздался громкий взрыв.

— Что это было? — в панике спросила я.

— Это бомба! — закричал Владимир, побледнев. — Боже мой, мы все погибнем!

— Успокойся, — приИсала я. — Самолёт не падает. Мы не погибнем.

Я понимала, что звучала увереннее, чем чувствовала себя. Пассажиры кричали, плакали или молились. Стюардесс нигде не было видно. Раздался второй, меньший взрыв, и большинство людей впали в истерику. Владимир повторял, что мы все умрём.

— Замолчи и дай мне бутылку коньяка, — яростно сказала я.

В суматохе мы потеряли стаканы и пили прямо из горлышка. Мы по очереди делали глотки. Я начала думать, что, возможно, Владимир прав — возможно, мы сейчас разобьёмся, поэтому экипаж молчит. Меня охватил настоящий страх.

Но через несколько минут голос капитана раздался в динамИсах:

— Уважаемые пассажиры, у самолёта возникла незначительная техническая проблема. Нам разрешено приземлиться в Нижнем Новгороде, который находится рядом. Я не ожидаю трудностей при посадке.

— С самолётом серьёзно что-то не так, — дрожащим голосом сказал Владимир. — Нижний Новгород — закрытый город. Там производят МиГи и атомные подлодки, рядом находятся ядерные объекты в Сарове. Россиянам нельзя въезжать без специального разрешения, иностранцам вообще запрещено. Мы точно совершим аварийную посадку.

Теперь я действительно была в ужасе. Я начала думать о людях, которых оставлю, если умру. Это было страшное чувство — ожидать собственной смерти в любую минуту.

Мы увидели Нижний Новгород из иллюминатора. Самолёт несколько раз облетел город и начал снижение. Я заметила ярко-оранжевую защитную сетку в конце полосы, и в этот момент нам приказали принять аварийную позу. Эти минуты казались бесконечными.

Когда самолёт благополучно приземлился, облегчение было неописуемым. Всех пассажиров отвели в зону ожидания аэропорта. Там мы узнали, что «незначительная проблема» заключалась в том, что взорвался задний двигатель.

Через два часа мы сели в другой самолёт «Аэрофлота» и наконец благополучно вернулись в Москву. Никогда в жизни я не была так счастлива выйти из самолёта.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Сухой Лог Раскрыт

Первое, что я сделала, вернувшись в квартиру, — отправила Иэну факс с отчётом о загадочном золотоносном месторождении в самом сердце Сибири. Он перезвонил мне немедленно.

— Это было делом всей моей жизни — найти такое месторождение, — сказал он взволнованно. — Именно поэтому я потратил миллионы, исследуя золото по всему миру. Крупные горнодобывающие компании, такие как Placer Dome, BHP и American Barrick, начинались всего с одного большого открытия. Когда мы сможем получить по нему данные?

— Пока это государственная тайна, — ответила я. — Но Владимир уверяет, что они откроют его для иностранцев, потому что у них нет средств на строительство рудника, а России нужно увеличивать добычу золота. Нам придётся набраться терпения и пока сосредоточиться на бизнесе с «ауроконами».

На этом направлении дела двигались. «Главзолото» предложило в конце сезона добычи в Бодайбо провести конференцию по «ауроконам» для всех крупнейших российских горнодобывающих компаний. Судьба Star в России зависела от того, насколько успешно мы продемонстрируем нашу технологию на этой конференции.

Иэн, который всё ещё сворачивал свою неудачную россыпную добычу в Бразилии, продолжал уверять меня, что «аурокон» уже в пути.

20 апреля 1991 года Владимир сообщил мне, что «Главзолото» требуется копия годового отчёта Star.

Я знала, что это станет большой проблемой, поскольку большинство россиян считали, что деньги на инвестиции есть только у компаний с мощными балансами, вроде Rio Tinto Zinc (RTZ). Они не понимали, что состоятельный человек может привлечь сотни миллионов долларов для горнодобывающего проекта через частные инвестиции или публичное размещение на фондовой бирже. У россиян не было фондовой биржи, и сама идея листинга компании для привлечения средств от инвесторов была для них совершенно чуждой. Поэтому я тянула время, сказав Владимиру, что Иэн привезёт всю нашу финансовую документацию при следующем визите в Россию.

Неожиданно «Главзолото» вызвало Авлова в Москву на срочные переговоры по поводу «секретного месторождения». Подробности я узнала, когда Авлов и Владимир пришли ко мне вечером после встречи. Мы сидели и пили, и Авлов, наклонившись ко мне соблазнительно, прошептал на ухо:

— У «Лензолото» есть огромное месторождение золота — Сухой Лог. Это крупнейшее месторождение в мире.

То, что он рассказал дальше, было невероятным. Подтверждённые запасы Сухого Лога составляли более 1100 тонн золота, а вероятные — ещё 2000 тонн. По его словам, оценочная стоимость в долларах США составляла 21 миллиард.

— Нам нужен иностранный капитал, чтобы построить первую очередь рудниСа — около тридцати миллионов долларов, — сказал он, — а затем прибыль можно будет использовать для строительства следующих очередей. Если «Лензолото» и Star создадут совместное предприятие по переработке хвостов, мы можем вместе разрабатывать и Сухой Лог.

Я не знала, что поразило меня больше: откровение о колоссальной стоимости месторождения или то, что нам предлагали несметные богатства лишь потому, что я напоминала ему его погибшую возлюбленную Людмилу. Кто бы мне поверил?

Как только гости ушли, я позвонила Иэну и пересказала разговор.

— Это восемьдесят четыре миллиона унций золота! — воскликнул он. — Это слишком крупно для Star. Сколько денег нужно Авлову?

— Он сказал — около тридцати миллионов долларов на строительство рудниСа.

— Star придётся привлечь партнёров. Ладно, давай этим займёмся, а я посмотрю, что смогу сделать со своей стороны. И, Людмила, — отлично сработано. Ты точно забила гол!

Однако на другом фронте у нас по-прежнему не было «аурокона». Время поджимало. Российский сезон добычи заканчивался в сентябре. После этого земля замерзала. Я боялась, что если мы не продемонстрируем технологию «аурокона», нас просто выставят за дверь. Российские горняки обратятся к другим западным компаниям, которые уже начали стучаться к ним.

Посреди всего этого бдительная Катя передала Ельцину от Star корзину фруктов с манго и папайей. В записке было написано:

Поздравляем с недавними победами [в парламенте], которые вдохновили Star продолжить развитие деловых перспектив в России. Надеемся, что фрукты помогут вам в игре.

Речь шла не только о любви Ельцина к теннису, но и о гораздо более серьёзной игре, разворачивавшейся на политической арене. В России стала реальной угроза полного экономического коллапса. Советский Союз потратил слишком много средств на ядерное вооружение, пытаясь догнать амерИсанцев, и оказался на грани банкротства. Магазины были пусты. Даже специальные магазины для партийной элиты опустели. По всей стране бастовали шахтёры. Люди были злы — и голодны. Горбачёв понимал, что многие россияне видят в Ельцине единственную надежду.

Я старалась не позволять политическому напряжению отвлекать меня. Я начала обсуждать с Авловым возможность производства «ауроконов» на месте. Он обсудил это с «Главзолотом», и они поддержали идею совместного предприятия со Star по добыче россыпного золота и переработке хвостов с использованием «ауроконов» местного производства. Если бы это удалось, Star могла бы построить карьер на Сухом Логе — открытую выработку, извлекающую золото из огромной воронки в земле.

В этот момент Джон написал Иэну, что доверие к Star и её будущий успех напрямую зависят от демонстрации «аурокона». Я сидела как на иголках, ожидая ответа. Из-за этого я почти забыла, что 29 мая мне исполняется тридцать один год, но Катя объявила, что придумала для меня отличный подарок: она организовала встречу с харизматичным будущим пред-

седателем российского парламента Русланом Хасбулатовым. По её словам, он станет полезным союзником в нашей борьбе за Сухой Лог.

И вот я снова вошла в Белый дом вместе с удивительной Катей. Нас провели в кабинет Хасбулатова и попросили подождать. Через несколько минут он появился через тяжёлые двойные двери.

У Хасбулатова была репутация ловеласа. Я невольно задумалась, не из той ли комнаты он только что вышел. Он был невысокого роста, с полными рубиновыми губами — в его случае они придавали не чувственность, а скорее похотливость. Густые чёрные волосы, тёмно-карие глаза. Он сел рядом со мной и всё время встречи крепко держал мою руку в своей. Я не могла отрицать, что он был сексуален, но мне было неловко, и всё же я не осмелилась отдёрнуть руку. От него слегка пахло коньяком.

— Чем я могу помочь вам, моя прелесть? — спросил он.

Я ответила, что собираюсь в Бодайбо подписывать соглашение с «Лензолото», о чём ему известно.

— Прекрасно! — воскликнул Хасбулатов. — Когда вернётесь в Москву с подписанным документом, сразу приходите ко мне, и я помогу вам провести его через все соответствующие инстанции.

Встреча закончилась, мы встали и пожали руки. Катя выбрала этот момент, чтобы объявить, что у меня день рождения. Хасбулатов повернулся ко мне и влажно поцеловал в щёку. Когда я уже выходила из кабинета, он протянул руку и шлёпнул меня по ягодицам. Я сумела сохранить самообладание и продолжила идти, напоминая себе, что передо мной один из самых могущественных людей страны.

Благодаря Кате у меня теперь была поддержка и Ельцина, и Хасбулатова. Неплохо для иностранки, прожившей в стране сравнительно недолго! Знаки были благоприятными — но внезапно, 3 июня, от Иэна пришёл странный факс. Он хотел, чтобы все факсы теперь отправлялись в его офис в Аспене, а не в Гонконг.

Похоже, у него возникли серьёзные проблемы с Crusader и его богатыми китайскими инвесторами. Они хотели выйти из России, потому что пока не заработали ни доллара. Я была озадачена их позицией, хотя знала, что они всегда рассчитывали на быструю сделку. Неужели они не понимали, что я стою на пороге соглашения с «Лензолото» — не говоря уже о моих новых друзьях в Белом доме? Неужели для них это ничего не значило? Или у них была иная повестка?

Через несколько дней Иэн сообщил, что решил финансировать Россию самостоятельно. Он также сказал, что надеется вывести интересы Star на австралийскую фондовую биржу через одну из своих компаний — Central Mining NL, оболочечную компанию, зарегистрированную на Австралийской фондовой бирже. Вскоре у меня появились основания задуматься, не забыл ли Иэн, что оказался в России благодаря моей матери — и мне.

Когда 12 июня Ельцин выиграл первые президентские выборы в России, Иэн отправил ему поздравительную телеграмму. Но всего через неделю он прислал мне резкий факс, который сильно меня потряс:

Вы понимаете, во что обходится российский проект с точки зрения времени, затрат и требуемой экспертизы? Необходимо полное планирование и корректное бюджетирование. У меня складывается впечатление, что если всё не будет координировано, ничего не получится. И не забывайте, что вам нужно подумать о том, как вы будете финансировать свою долю в будущем. Какие меры вы предпринимаете?

Это означало, думала я в шоке, что Иэн не хочет отправлять оуракон в Россию. Деньги Crusader иссякли, и он не готов рисковать собственными средствами. Его слова меня раздавили. У меня не было возможности «финансировать свою долю». Изначально предполагалось,

что мы с Греггом получим по 10% акций компании, а Иэн будет финансировать российские проекты максимум на полмиллиона долларов. Возможно, этот лимит уже был исчерпан.

В ответ я предложила, чтобы мы с Греггом просто собрали чемоданы и уехали домой. Тогда Иэн прислал примирительное сообщение, подтвердив свою готовность финансировать Россию самостоятельно, — и попросил меня подготовить бизнес-план по «Лензолоту».

Этот инцидент выбил меня из колеи. Но я снова сосредоточилась на работе и весь июль разрабатывала бизнес-план, регистрировала Star в России и структурировала совместное предприятие «Лензолото»/Star. Авлов хотел включить в СП всё «Лензолото», а не только Сухой Лог и россыпи. Это было гораздо сложнее, потому что «Лензолото» владело заводами, железной дорогой, гидроэлектростанцией, магазинами, гостиницами, домами, автомобилями, горным оборудованием, ремонтными мастерскими, школами, больницами и многим другим.

Мечтой Авлова было одно огромное совместное предприятие. Он видел в Star «дойную корову», которая заменит Госплан — старый коммунистический орган планирования, ранее финансировавший «Лензолото».

При коммунистическом режиме Госплан ежегодно отправлял Авлову деньги, и если он их полностью тратил (строя дороги, мосты, здания, шахты, железные дороги и гостиницы), то в следующем году получал ещё больше. Его единственными обязательствами были выполнение золотого плана и продолжение строительства. В духе ленинской идеологии прибыль предприятия считалась несущественной, поскольку всё принадлежало государству, а государство обеспечивало.

Но Иэн не хотел, чтобы Star финансировала что-то кроме Сухого Лога. Он уж точно не собирался строить дороги, мосты и гидроэлектростанции вместе с Авловым.

В середине июля 1991 года доктор Джон Томас и его британская подруга Эми прибыли в Москву с чертежами «аурокона». Мы втроём вылетели в Бодайбо на десять дней. Красавец шахтёр Слава с большими лазурными глазами и длинными чёрными ресницами отвёз нас на россыпной рудник «Высочайший», разрабатываемый артелью «Рассвет» Вареникова — в четырёх часах езды.

Стояла адская жара — плюс тридцать пять. Мы с Эми были в шортах и майках без рукавов. Когда Слава привёз нас в столовую, шахтёры уставились на нас. Они не видели женщин четыре месяца и никогда не встречали иностранок. Но, несмотря на суровость, они были вежливы и дружелюбны. Мы быстро нашли общий язык, наслаждались тарелками русского борща и запивали его коньяком.

Жилищные условия были примитивными. Мы с Джоном и Эми делили домик на сваях (чтобы не забрались медведи) и спали на нарах с вонючими матрасами, без одеял и с комковатыми подушками. Туалета не было — приходилось идти в лес к деревянной будке с большой ямой. Запах был невыносим. К счастью, в домике было много коньяка.

Однажды нас застала песчаная буря. Слава обнял меня, развернул спиной к ветру, и мы шли задом, чтобы песок не повредил глаза. У края леса мы побежали — и столкнулись лицом к лицу с двумя огромными бурыми медведями и медвежонком. Мы замерли. К счастью, медведи тоже спасались от бури и быстро скрылись.

Несмотря на медведей и бури, Джон был впечатлён увиденным на «Высочайшем». Вернувшись в Москву, он отправил Иэну восторженный отчёт:

«Потенциал огромен. Мы можем продать сотни «ауроконов» всем золотодобывающим объединениям России».

Иэн ответил, что «аурокон» должен покинуть джунгли 6 августа и может быть готов к отправке из Салвадора к 18-му.

А затем он внезапно исчез. Финансирование тоже прекратилось. Почти две недели — тишина. Мы были в недоумении. Куда пропал Иэн?

Так же внезапно пришёл факс:

С момента начала проекта произошёл ряд изменений, и мы уже потратили около 250 000 долларов США. Как вам известно, Crusader вышел из Star, и ещё несколько партнёров покинули мои горнодобывающие проекты, поэтому финансировать всё самому я не могу. Есть ли иной способ подойти к российским проектам?

Я думала, что его финансовые трудности уже позади. Он был очень скрытен относительно своего состояния. Якобы все его деньги находились в швейцарском трасте и инвестировались под 25% годовых. Основной капитал он не трогал — жил только на проценты. Для него было дешевле занимать средства. Он занимал максимально возможное для проектов, обещая кредиторам долю после выхода на прибыль. Но после единственного успешного нефтяного проекта в Малайзии у него были лишь убытки — во Вьетнаме, Боливии, Бразилии и пока что в России.

Постепенно мне стало ясно: Иэн серьёзно в долгах.

Но 12 августа деньги чудесным образом снова начали поступать. Иэн не объяснил, что произошло. Я знала только одно — мы снова в игре.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Кровь На Улицах

Вскоре после того, как мы снова встали на ноги в финансовом отношении, 18 августа 1991 года попытка переворота против Горбачёва повергла в хаос жизни всех — включая и нашу. Группа «жёстких» коммунистов — среди них был и глава КГБ — поместила Горбачёва под домашний арест на его даче в Сочи, на Чёрном море. Позже Катя рассказала мне, что план состоял в свержении и Горбачёва, и Ельцина, и что перед самым переворотом Ельцин тайно летал к Горбачёву в Сочи. Однако на обратном пути в Москву самолёт Ельцина подвергся обстрелу — ракета едва не задела правое крыло, что могло бы обернуться катастрофой. Катя утверждала, что у неё есть доказательства того, что Горбачёв уступил «жёстким» и отдал приказ сбить самолёт Ельцина.

Рано утром следующего дня прокоммунистические танки и бронетранспортёры прогрохотали по главным московским проспектам в сторону Смоленской площади, где жили мы с Грегом; площадь быстро заполнилась солдатами. Колонны танков остановились у стратегических зданий — в том числе у Министерства иностранных дел, расположенного по диагонали от нашего дома.

Ельцин сопротивлялся из Белого дома. Он выступил по независимой радиостанции «Эхо Москвы», призвав всех россиян собраться у Белого дома в поддержку демократии. Десятки тысяч сторонников Ельцина немедленно двинулись туда и хлынули через открытые ворота во внутренний двор.

Катя, Грег и я присоединились к митингу, хотя коммунистическая армия смыкала кольцо. Когда мы прибыли к Белому дому, двор был переполнен сторонниками демократии. Несколько солдат перешли на сторону Ельцина, и их мятежные танки стояли напротив нас. Мой друг Хасбулатов и несколько помощников Ельцина выглядывали из окна. Я помахала им. Хасбулатов мгновенно узнал меня и оживлённо замахал в ответ, затем послал мне воздушные поцелуи. Я послала один в ответ. После этого он не сводил с меня глаз.

Через несколько часов появился Ельцин и взобрался на один из танков — сцена, которую вскоре увидел весь мир.

В мощном и проникновенном выступлении он говорил о новой России — свободной и прекрасной — и о конце коммунизма. Он призвал всех встать на защиту этих идеалов. Я была захвачена его словами и гордилась тем, что стою рядом со своими соотечественниками, бросая вызов нашему общему врагу и готовая, если потребуется, сражаться. В конце концов, коммунисты лишили мою семью дома и страны.

Толпа взорвалась криками: «Россия! Россия! Россия!» Мужчины и женщины всех возрастов бросались к танкам, крича юным солдатам, чтобы те возвращались домой к матерям.

Мы оставались у Белого дома до сумерек, затем вернулись в квартиру, рассчитывая на ранний сон. Иэн несколько раз звонил, тревожась о происходящем. Я уверяла его, что худшее позади, поскольку коммунисты не атаковали Белый дом, как ожидалось.

Ровно в 23:00 мы с Греггом проснулись от звука выстрелов, рикошетивших от стены нашего дома. Мы вскочили с постели, когда новые очереди осветили московское небо. Коммунисты решили атаковать ночью, пытаясь прорваться к Белому дому с юга, а не с севера, как предполагалось.

Мы выбежали на улицу как раз в тот момент, когда мимо с ревом пронеслась вытянутая цепь танков и бронемашин с ракетами и снарядами. Я была в ужасе. Люди начали атаковать танки и солдат. У Белого дома защитники Ельцина соорудили баррикаду. Автобусы загнали перед танками, в них полетели бутылки с зажигательной смесью, и машины вспыхнули. Один молодой человек попытался взобраться на танк, но был втянут под гусеницы; его тело осталось болтаться. Другого юношу застрелили, когда он пытался помочь ему. Третий стоял на дороге, когда пуля снесла половину его головы — тело рухнуло в канаву.

Всё больше людей бросалось на танки, всё больше автобусов перекрывали дороги, вспыхивали новые пожары. Толпа озверела, и солдаты начали отступать. Некоторые взобрались на танки и закричали:

— Мы отказываемся убивать своих соотечественников! Мы не будем продолжать это безумие!

Солдаты начали переходить на сторону народа. Другие танки стали отходить. С восходом солнца я решила, что мне нужно выпить. Я вернулась в квартиру, заперла дверь, выпила рюмку водки и позвонила Иэну. Он приказал нам немедленно покинуть Россию.

Я снова возразила, что худшее уже позади и уезжать сейчас было бы безумием. Россия стояла на пороге демократии, и Ельцин был бесспорным лидером. Горбачёв, вероятнее всего, был политически уничтожен, как и Коммунистическая партия, а мы находились на грани создания первого золотодобывающего совместного предприятия в посткоммунистической России. Иэн настаивал, чтобы мы уехали, но я знала, что не могу этого сделать. Грег чувствовал то же самое.

Как и все москвичи, на следующий день мы осматривали последствия боёв. Повсюду стояли обгоревшие автобусы — некоторые ещё дымились — и лежали осколки стекла. Рядом — горы цветов в память о трёх погибших юношах. Переворот был объявлен провалившимся. Заговорщиков арестовали. Горбачёв прилетел в Москву из Сочи. CNN показал его сходящим с трапа самолёта — бледного, уставшего, сломленного, тень прежнего себя.

За кулисами Ельцин брал власть в свои руки. Он не советовался с Горбачёвым, который формально всё ещё оставался лидером СССР.

22 августа 1991 года Катя и я присутствовали на историческом заседании российского парламента после провала путча. Огромный зал с креслами, обитыми красным бархатом, был переполнен. Ельцин, новый президент России, и Хасбулатов, ставший председателем парламента, заняли центральное место. Горбачёв стоял рядом.

Ельцин подготовил ряд указов. Один наделял его широкими президентскими полномочиями. Другой провозглашал конец СССР и власти Коммунистической партии и рождение Содружества Независимых Государств во главе с Россией. Это означало, что все страны, находившиеся под контролем коммунистов с 1922 года — Армения, Азербайджан, Белоруссия, Эстония, Грузия, Казахстан, Киргизия, Латвия, Литва, Молдавия, Россия, Таджикистан, Туркмения, Украина и Узбекистан — вновь становились свободными.

Ельцин подвинул указы к Горбачёву и прорычал:

— Подписывайте!

Горбачёв подписал.

Ельцин поднял развевающийся флаг с белой, синей и красной горизонтальными полосами и громогласно провозгласил:

— Да здравствует Россия!

Аплодисменты были оглушительными. Я, как и все, испытывала ликование. Заседание завершилось минутой молчания в память о трёх погибших юношах.

23 августа мы снова вернулись к реальности. Иэн остановил поставку «аурокона» — якобы из-за переворота. Теперь у нас оставался единственный вариант: построить установку на месте. Джон был полон энтузиазма, и Иэн, казалось, готов был финансировать проект.

У нас был максимум месяц, чтобы изготовить «аурокон» и установить его на россыпном руднике «Высочайший». Мы не знали, удастся ли уложиться в сроки. В итоге выбрали завод в Свирске — небольшом заснеженном городке в трёх часах езды к северу от Иркутска, где имелось всё необходимое оборудование. После сборки установку можно было легко доставить в Бодайбо по железной дороге. Я принялась за организацию поездки, отчаянно пытаюсь спасти наш проект.

7 сентября Джон прибыл в Москву, а на следующий день мы вылетели в Иркутск. Оттуда представитель «Лензолото» отвёз нас в Свирск. Мы прибыли ночью — и нас встретил пышный банкет, устроенный воодушевлёнными рабочими завода. На следующее утро началась сборка установки. Я наблюдала и переводила. Когда работа пошла ровно, я вернулась в Москву.

Через три недели первый «аурокон» прибыл на рудник «Высочайший» в Бодайбо.

Конференция по «ауроконам», продолжавшаяся четыре дня в конце сентября, имела огромный успех. Десять компаний, представлявших основные золотодобывающие объединения России, приняли участие. Каждая подписала протокол о намерениях приобрести установку.

Когда мы с Авловым встретились в Москве на следующий день после окончания конференции, он сказал, что о «Лензолото» и Star говорит весь город.

— Людмила, слушайте внимательно, — продолжил он. — Я хочу двигаться вперёд полным ходом с нашим совместным предприятием — АО «Лензолото» — с участием Star в качестве акционера.

Это была фантастическая новость. Я была на седьмом небе от счастья и даже поцеловала Авлова в щёку, отчего он покраснел. Джон тоже был в восторге. Иэн решил передать Джону права на бизнес «ауроконов», поскольку сам хотел сосредоточиться на «Лензолото». Завод в Свирске должен был стать производственным центром, а Джон — продавать сотни установок российским золотодобывающим компаниям.

Теперь Авлову очень хотелось познакомиться с Иэном. Он сообщил, что вскоре ему исполнится пятьдесят, и пригласил нас обоих на день рождения в Бодайбо 10 ноября. Я отправила Иэну факс, добавив, что это отличная возможность осмотреть Сухой Лог, до которого можно добраться на вертолёте. Иэн с энтузиазмом согласился. Через неделю мы встретились в Иркутске и вместе вылетели в Бодайбо.

Авлов встретил нас в аэропорту. Мы сразу отправились к нему в кабинет и после традиционного приветственного тоста с коньяком перешли к делу. Был составлен протокол о намерениях, который Иэн и Авлов подписали. В нём фиксировалось наше намерение преобразовать государственное объединение «Лензолото» в частное акционерное общество — АО «Лензолото».

Иэн согласился, что Star получит 31% акций — мы знали, что российское правительство никогда не отдаст контроль над крупнейшим месторождением иностранной компании. 59% предназначались руководству и сотрудникам «Лензолото», ещё 10% — правительству Иркутской области.

В те несколько головокружительных дней в Бодайбо что-то изменилось между мной и Иэном. Мы становились ближе. Иэн был чрезвычайно начитан, я любила наши беседы и была очарована его воспоминаниями о собственной жизни. Он явно наслаждался лучшим в жизни: перелётами первым классом, хорошим вином, изысканной кухней и пятизвёздочными отелями.

Накануне праздника мы с Авловым и Иэном поднялись на вершину Сухого Лога на вертолёте. Несмотря на яркое солнце, ледяной ветер обжигал лицо и руки. Приходилось кричать, чтобы перекричать гул винтов. Иэн был в восторге, а мне это казалось всего лишь огромной пустой заснеженной горой — я мечтала поскорее вернуться.

День рождения Авлова мы отметили в его большом двухэтажном доме вместе с двадцатью гостями. За огромным овальным столом ломились блюда и бутылки коньяка и водки. Мы поднимали тосты за Авлова, за «Лензолото», за Star и танцевали под русскую музыку, включая песни моего любимого исполнителя Александра Малинина. В начале 1980-х, когда я жила в Москве, Малинин только вышел на сцену — и все женщины были в него влюблены, включая меня. Он был первым рок-идолом России.

В два часа ночи праздник завершился. На улице было минус тридцать. Авлов вышел проводить нас. Когда Иэн сел в машину, Авлов схватил меня, закружил и страстно поцеловал в губы, затем расплылся в улыбке, как мальчишка.

Когда мы отъехали, я сказала:

— Авлов только что меня поцеловал!

— Правда? И как это было? — с любопытством спросил Иэн.

— Ужасно! А чего ты ожидал? — ответила я и всю дорогу до гостевого дома молча смотрела в окно.

Вернувшись в Москву, мы узнали, что Ельцин подписал указ, разрешающий иностранным компаниям добывать коренные руды впервые с 1927 года. Для Star это был огромный прорыв.

Этот поворот ощущался уже до поездки в Бодайбо. Катя и я присутствовали на первом заседании парламента Российской Федерации. Над трибуной возвышался старый российский двуглавый орёл, сменивший коммунистические серп и молот, а рядом развевался старый российский флаг вместо советского. Многие, включая меня, плакали от радости.

Ельцин обещал укрепить рубль и сделать его конвертируемым, продолжить приватизацию, либерализацию цен и земельные реформы, а также создать привлекательные условия для иностранных инвестиций. Поддержка была подавляющей, хотя уже тогда многие сомневались, не зашёл ли он слишком далеко.

До конца 1991 года Ельцин назначил тридцатипятилетнего экономиста Гайдара своим первым вице-премьером. Поначалу он произвёл на меня впечатление, но позже оказался бесхребетным, когда нужно было отстаивать интересы Star.

В конечном счёте политика свободного рынка и масштабная приватизация Гайдара привели к обвалу рубля, стремительной инфляции и обесцениванию сбережений обычных людей. Почти за одну ночь появилась новая каста влиятельных людей — олигархи, которые за бесценок получили контроль над природными ресурсами, банками и СМИ России и стали миллионерами, а некоторые — миллиардерами. Именно они во многом создали новую — коррумпированную, хаотичную и жестокую — Россию. Лишь немногие западные компании могли выжить в такой среде. Я была полна решимости сделать так, чтобы Star стала одной из них.

Речь Ельцина в парламенте стала отправной точкой этих перемен. Были созданы новые министерства, что напрямую повлияло на Star. «Главзолото» было ликвидировано и заменено двумя структурами — Комитетом по геологии (Геолком) и Комитетом по драгоценным металлам (Комдрагмет).

Заместителем председателя Геолкома был назначен «гуру» горной промышленности Борис Яцкевич, который фактически заправлял всем. Длинный острый нос, узкие глаза, тонкие губы, сальные каштановые волосы; заядлый курильщик с постоянными проблемами лёгких, он славился вспышками раздражительности и непредсказуемостью.

Во главе Комдрагмета поставили «алмазного гуру» Бычкова — круглую лысеющую голову, широкую улыбку, остроумие и огромные состояния, нажитые на контрабанде российских алмазов в Европу и США. Он получал «премии» от De Beers за выгодные эксклюзивные контракты, любил, когда его угощали богатые западные партнёры, и обожал зарубежные поездки за их счёт. Он регулярно ужинал с Ельциным и был социальным снобом.

Оба эти человека должны были повлиять на судьбу Star — один гораздо сильнее другого.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Влюбляясь

Протокол о создании совместного предприятия «Лензолото», подписанный Авловым и Иэном, должен был быть представлен российскому правительству на утверждение. Катя решила, что нам следует передать его прямо в руки Егору Гайдару. По совпадению, она близко знала его отца — Тимора, детского писателя! Она должным образом отнесла наши документы к нему домой и заставила его пообещать передать их сыну уже на следующий день. Способности Кати убеждать были поразительными.

25 ноября 1991 года Тимор позвонил мне. Он сказал, что его сын прочитал наш документ, согласился поддержать проект и вскоре встретится с нами, но сначала нам нужно подготовить официальный юридический документ в форме правительственного распоряжения, предоставляющего «Лензолото» разрешение создать акционерное общество совместно со Star. Затем этот документ должен был быть подписан Егором. Нам требовалось официальное правительственное распоряжение, потому что наше акционерное общество стало бы первым совместным иностранно-российским предприятием по добыче золота в России с 1927 года.

Однако прежде мне нужно было снова увидеться с Хасбулатовым, чтобы передать ему протокол «Лензолото», как он просил. Иэн и Джон решили пойти со мной, что оказалось большой ошибкой. Хасбулатов пришёл в ярость, когда все трое из нас явились к нему.

Он взял у меня протокол и холодно сказал: «Хорошо. Я обещал поддержать вас — и поддержку. Если он когда-нибудь окажется в парламенте, я прослежу, чтобы его приняли. А теперь идите — и в следующий раз, Людмила, приходите одна. До свидания».

Это был не совсем тот приём, на который я рассчитывала, но, по крайней мере, я знала, что у нас есть поддержка Хасбулатова, а это было важно. На следующий день Авлов позвонил мне, звуча взволнованно. Он сказал, что «Главзолото» организовало поездку на горнодобывающую конференцию в Париж для генеральных директоров российских объединений по добыче золота. Он подозревал, что это попытка «Главзолота» удержаться у власти после приватизации и получить долю золотых рудников, включая ценный Сухой Лог.

«Ты и Иэн должны встретиться со мной в Париже, — сказал он. — Тогда мы сможем окончательно оформить распоряжение для Гайдара и подать его, как только вернёмся в Москву. Мы должны действовать быстро. Стервятники начали кружить над “Лензолото”».

Я поговорила с Иэном, и он согласился с планом. Я вылетела в Лондон, чтобы встретиться с ним, и провела ночь в его величественном трёхэтажном викторианском таунхаусе, оформленном в роскошном винтажном стиле и выходящем окнами на Гайд-парк в Найтсбридже. Найтсбридж был зелёным районом, где состоятельные международные жители встречались в дорогих ресторанах, стильных пабах и дизайнерских магазинах, включая культовый универмаг Harrods. Иэн идеально вписывался в эту среду.

Перед ужином Иэн отвёл меня в местный паб. Он заказал бокал Pol Roger, и мы сидели у барной стойки, потягивая восхитительное холодное шампанское. Это было настоящим удовольствием после пабов дома, в Австралии, где нельзя было купить шампанское бутылкой, не говоря уже о бокале. Иэн открывал для меня совершенно новый мир, и мне это безумно нравилось!

Мы поужинали в Motcombs, модном ресторане, знаменитом своими «диккенсовскими» окнами (как в «Рождественской песне» Чарльза Диккенса) и эклектичным искусством на стенах, рассказывающим истории об актёрах и политиках, ужинающих вместе. Мы заказали запечённую утиную грудку с апельсиновым соусом и картофельное пюре — любимое блюдо и Иэна, и моё — а также бутылку Dom Pérignon, тоже нашего любимого шампанского. Разговор за ужином лился легко; не было ни единого неловкого момента. Той ночью, лёжа без сна в его гостевой спальне, какая-то часть меня желала, чтобы он тихонько пробрался в мою постель. Я уснула, будучи совершенно очарованной им.

На следующий день мы вылетели в Париж и заселились в Canopy by Hilton, где остановился Авлов. Этот оживлённый отель находился в нескольких шагах от садов Трокадеро — открытой площади в Париже на берегу Сены, с Эйфелевой башней на противоположном берегу. Вид из бара на крыше был великолепным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.